

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 9/3

2011

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуни-
каций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2011 г. ► № 9/3

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.

д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.

д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 12.09.2011.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 116/10. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Балакина А.А., Шкурко Т.А. Образ города и особенности отношения к Другому жителей мегаполиса и крупного города (на примере г. Москвы и г. Ростова-на-Дону) 5

Беззян А.А. Особенности представлений русских предпринимателей о партнёрах по малому бизнесу, принадлежащих к «своей» и «чужой» этнической группе. 10

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кирякова Е.А. Психологические аспекты изучения притязаний у военнослужащих офицеров 15

Лебедева П.А. Психологические аспекты изучения идеала современного военнослужащего: перспективы исследования 19

Панина Е.А. Психологические аспекты изучения мотивационной сферы курсантов Морской Академии 23

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Шершнёв Р.Ю. Развитие смысловой сферы школьников через использование схемных и знаковых моделей в процессе обучения 26

Бутенко В.С. К определению понятия непрерывного образования в современном мире 30

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

Тащёва А.И., Киреева Л.Е. Личностные особенности супругов «двухкарьерного» брака 34

Тащёва А.И., Нагоева Р.А. Психологические особенности феномена замещающего родительства. 39

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Буняева М.В. Психология чеховских художественных произведений. 43

Сухов Н.И. Психология литературы в школе Е.А. Боброва. 47

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Котенёва Е.Б. Психологические аспекты изучения ценностно-смысловых отношений к профессиональной деятельности у социальных работников: к постановке проблемы 51

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 54

НАШИ АВТОРЫ. 61

ОБРАЗ ГОРОДА И ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА И КРУПНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ И Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ)

**Балакина А.А.,
Шкурко Т.А.**

Статья посвящена анализу видов и параметров отношений к Другому жителей мегаполиса и большого города (г. Москвы и г. Ростова-на-Дону) в их взаимосвязи со структурно-содержательными характеристиками образа каждого из этих городов. Статья содержит введение в проблему изучения отношений внутри городского сообщества, проблему взаимосвязи содержания и структуры образа города субъекта с его социальным взаимодействием с другими людьми внутри городского пространства, а также изложение части проведенного диссертационного исследования, посвященного изучению территориально-пространственных факторов отношения к Другому жителей большого и малого городов. Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о наличии различий параметров и видов отношений к Другому жителей мегаполиса и большого города, а также структурно-содержательных характеристик образов этих городов.

Ключевые слова: отношение к Другому, межличностные отношения, виды отношений, доверие, манипулятивное отношение, социальное взаимодействие, образ города.

Проблема отношений человека уже на протяжении длительного периода привлекает внимание ученых самых различных направлений: философии, психологии, социологии, политологии и многих других научных дисциплин. Категория отношение является одной из базовых категорий социальной психологии. Как показали работы В.Н. Мясищева и многочисленных последователей отношения личности образуют систему, которая включает в себя отношение к предметам и явлениям внешнего мира (субъект–объектные отношения), отношение к другим людям (субъект–субъектные, межличностные отношения) и отношение к себе (самоотношение) [11].

Отношение человека с другими людьми является необходимым условием человеческого развития, формируется с момента его рождения и влияет на становление системы отношений в целом [9, 11]. В психологии принято выделять четыре группы факторов, опосредующих возникновение и динамику отношений личности (к себе, к другому, к миру) [16]. К первой группе факторов относят факторы, детерминирующие становление и развитие системы отношений человека в онтогенезе. Ко второй группе факторов формирования и развития отношений, названным в литературе «личностные» факторы, относятся различные характеристики субъектов

отношений: социально-демографические, психологические и социально-психологические и определенное их сочетание. К данной группе факторов исследователи относят такие компоненты системы отношений человека, как отношение к себе и отношение к обобщенному Другому, которые опосредуют динамику его реальных межличностных отношений [9, 11, 16]. Третий тип факторов (т. н. «групповые» факторы) включает в себя процессы групповой динамики. К четвертой группе факторов («ситуативные» факторы) относятся фактор времени; экологический фактор (физические условия общения); фактор пространственной близости; культурно-исторический фактор (влияние культурных норм и ценностей на становление и развитие конкретных отношений и взаимоотношений личности) и такой фактор, как «жизненное событие». Данная группа факторов в психологии названа также «внешней детерминацией», что подчеркивает обусловленность динамики отношений рядом независимых от субъекта переменных. В последнее время исследователи рассматривают в качестве еще одного фактора формирования отношений субъекта территориально-пространственную организацию окружающей его среды (В.Т. Шимко, 2006; Э.В. Сайко, 20001; Р. Сеннет, 2002; В.Л. Глазычев, 2007; А. Желнина, 2005 и др.).

Городская среда на протяжении длительного времени является предметом изучения зарубежных (К. Линч, Р. Сеннет, С. Тробриндж, М. Хейдметс, Г. Филлинг, К. Ауэр др.) и отечественных исследователей (В.Л. Глазычев, М.С. Шимко, М.Я. Черноушек, М.Ю. Крампен, Б.Г. Ананьев, А.П. Флоренский, Н.Н. Нечаев и др.). Социальное пространство города включает в себя определенным образом организованное взаимодействие людей, в процессе которого формируется образ другого человека, представление о городе и складываются типы отношений и взаимоотношений между людьми [1, 3, 7, 12]. Обратимся к понятию «образ города». Ученые делают акцент на тех или иных структурно-содержательных характеристиках образа города, в соответствии с которыми дают различные определения данного понятия и типы классификаций. Известный исследователь городского пространства К Линч определяет образ города как некоторую гигантскую пространственную конструкцию, восприятие которой фрагментарно, ситуативно и обусловлено временными показателями. К. Линч выделяет три компонента образа города: 1) опознаваемость (т. е. идентичность); 2) структура (пространственные отношения); 3) значение (эмоциональные переживания субъекта). К. Линч разделяет персональный образ города (воспоминания индивида и приписываемые им значения) и общественный образ [8]. Д. Лихачев считает, что основой формирования образа любого города является его история. В связи с такой точкой зрения автор выделяет зрительный, исторический и «звуковой» образы города, причем, восприятие каждого из них сопряжено с эмоциональным восприятием истории города. Интересную классификацию для изучения образа города приводит С.П. Гурин, выделяя три символических уровня его рассмотрения: небесный (башни, небоскребы), земной и подземный (метрополитен, шахты и др.). Они же выступают и как основа дифференциации городов разного уровня [4]. М.А. Спирченко понимает под образом либо обобщенное представление одного индивида, либо группы индивидов, и в том и другом случае делая акцент на собирательности этого образа. Наряду с понятием «образ города» многие исследователи используют термин «имидж города» (М.А. Спирченко, Ю.Ю. Абышева, В.Я. Белобрагин, А.П. Панкрухин). Анализ работ, посвященных изучению образа города, показывает, что он может быть рассмотрен, как на уровне отдельной личности (индивидуализированный образ города), так и на уровне больших социальных групп (деперсонифицированный образ города, включающий в себя обобщенные представления членов городского сообщества о нем). Ст. Милграм в работе «Социальные представления о городах» утверждает, что индивиды, принадлежащие к какой-

либо определенной общественной группе, характеризуются сходными представлениями о городском пространстве, которые отражают общие тенденции социального познания города [10].

В социальной психологии образ города изучается преимущественно в трех аспектах. Во-первых, изучается ментальный образ города, исследования которого предполагают изучение ментальных карт городской среды, складывающихся в сознании жителя; способов ориентации в пространстве; социально-психологических аспектов выбора определенных, наиболее подходящих индивиду маршрутов (К. Линч, 1985; С. Милграм, 2000; В.И. Иовлев, 1999; Л.П. Холодова, 1999). Содержание ментальных карт человека, как показано в ряде исследований (Д.С. Лихачев, 1991; В.Л. Каганский, 2001; И.И. Свирида, 2005; С. Хантингтон, 1999; И.В. Тулиганова, 2009), обусловлено социокультурными, архитектурными, историческими особенностями города. Наряду с этим, в работах подчеркивается взаимообусловленность и взаимосвязь образа города и отношений индивида: к Другим вообще, его межличностных отношений, отношений его к городу (В. Глазычев, 1999; К. Маслинский, 2004; Ш.Д. Аскаров, 1986; Е. Куриленко, 2001 и др.). Во-вторых, анализируется эмоциональный образ города, сопряженный с семантикой городского пространства, в область исследования которого обычно включаются эмоциональные переживания, связанные с местом проживания, его оценка (Н.П. Анциферов, 1927; А.А. Федоров-Давыдов, 1975; Д.С. Лихачев, 1991; И. Самошкина, 2006). Третий аспект связан с изучением центрального фактора формирования образа города, к которому ученые относят проксемические компоненты взаимодействия людей внутри городского сообщества [5, 8, 14]. Как отмечает В. Глазычев, образ города можно рассматривать как некоторую проекцию взаимоотношений его жителей [3].

Еще одним понятием, к которому необходимо обратиться для понимания взаимосвязи и взаимообусловленности образа города и отношений члена городского сообщества к Другому, является понятие «территориальная идентичность» (Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов, А.П. Люсый, А.Ю. Завалишин и др.). Территориальная идентичность еще мало изучена, при этом, как указывает Э. Смит, ее можно отнести к числу базовых в структуре идентификационной системы человека. В работах наряду с термином территориальная используется также понятие региональная идентичность. Территориальная идентичность определяется Н.А. Шматко, Ю.Л. Качановой как «переживаемые и осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие «практическое чувство» и осознание территориальной принадлежности индивида» [17, с. 94] Региональную

идентичность рассматривают либо как самостоятельное понятие, либо в качестве синонима территориальной идентичности, а некоторые авторы придерживаются позиции, что данное понятие является более узким, в связи с чем рассматривается как один из уровней территориальной идентичности. Э. Смит понимает региональную идентичность как социокультурную специфику, определяющую индивидуальность какой-либо территориальной общности. А.П. Люсый выделяет региональную городскую идентичность, под которой понимает обобщенный унаследованный опыт, обуславливающий структуру и нормирование социальных ценностей, норм и традиций. Во всех вышеуказанных работах, территориальная/региональная идентичности рассматриваются в тесной взаимосвязи с образом города, спецификой социального взаимодействия субъектов, особенностями их социального поведения. На основании вышесказанного мы можем утверждать, что образ города, виды и параметры отношений жителя города к другому человеку взаимосвязаны, и предположить, что эта взаимосвязь опосредована типом города.

Существует несколько классификаций типов города. Одна из них – градостроительная, в основе которой лежит количественный критерий, выделяет малые, средние, большие, крупнейшие города и города-миллионеры. В ряде работ подчеркивается необходимость рассматривать наряду с количественным критерием такие критерии, как социально-экономический статус города, административное значение, функции, выполняемые городом, исторический контекст, а также характер территориально-пространственной организации. В данной работе мы обращаемся к таким территориально-пространственным параметрам городской среды, как: масштаб города, плотность населения, зонирование, дизайн, центральная часть/периферия, совокупность которых позволяет дифференцировать города разного уровня [2, 5, 15].

В данной статье проведен сравнительный анализ параметров отношения к Другому и взаимосвязи этих параметров с различными аспектами образа города у жителей двух городов: Москвы и Ростова-на-Дону, отличающихся по вышеназванным территориально-пространственным параметрам. В нашем исследовании приняли участие 97 жителей Москвы и 92 жителя Ростова-на-Дону в возрасте от 21 до 37 лет, проживающие в различных районах города. Методы исследования: опросник межличностных отношений В. Шутца; блок методик, диагностирующих различные виды отношений к другим людям (шкала «принятия других» Фейя, «шкала враждебности» Кука-Медлей, «шкала доброжелательности» Кэмпбелла, «шкала доверия» Розенберга, «шкала

манипулятивного отношения» Банта), адаптированный Ю.А. Менджерицкой; методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда.

На основе данных, полученных в результате применения методики семантического дифференциала Ч. Осгуда, был произведен анализ структурно-содержательных характеристик образов этих городов в представлении их жителей. Было выявлено, что жители Москвы присваивают своему городу такие характеристики как активный, большой, сильный, сложный, тяжелый, быстрый, хаотичный. Выделенные определения, вероятно, связаны с представлениями его жителей о динамичном и сложном характере социального взаимодействия в городе (что соотносится с данными, полученными М. Илле, Н. Ядовым о характерных для массового сознания москвичей набора качеств: деловой, спешащий, занятой, целеустремленный). Немаловажную роль в формировании такого представления играют и пространственные факторы мегаполиса: масштабность города, невероятная динамика, разноплановость и многофункциональность пространственных форм, огромная семантическая нагруженность находят свое выражение в использовании при описании города таких характеристик как «хаотичный», «тяжелый», «сложный».

Преобладающими характеристиками, приписываемыми жителями Ростова-на-Дону своему городу, являются следующие: родной, любимый, хороший, светлый, горячий, активный, жизнерадостный, что говорит о высокой эмоциональной включенности в повседневно окружающее их пространство. Они показывают высокий уровень идентификации с местом их проживания, ощущение его как «любимого», «родного», а также эмоциональную привязанность к месту. Такие определения, как «горячий», «активный» и «жизнерадостный», наделяют образ города динамичностью и даже некоторой телесностью. Можно отметить, что образ Ростова-на-Дону в глазах его жителей наделен некоторой целостностью, приватностью, в то время как представления респондентов Москвы об их городе характеризуются некоторой разорванностью и фрагментарностью.

Для выявления значимых различий по параметрам отношений жителей двух городов был произведен анализ данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Наиболее значимые различия по вышеперечисленным видам отношений (см. методы исследования) были получены по таким модальностям отношений к другим людям, как манипулятивное отношение и доверие. Более выражены данные виды отношений, как показал критерий Манна-Уитни, у жителей Ростова-на-Дону. Для уточнения связей между изученными видами и параметрами отношений, а также особенностями восприятия города был проведен корреляционный анализ Спирмена.

Корреляционный анализ данных, полученных на выборке жителей г. Ростова-на-Дону, показал, что манипулятивное отношение коррелирует с такими характеристиками города, как «активный/пассивный» ($r = 0,477$), «быстрый/медленный» ($r = 0,677$), «дорогой/дешевый» ($r = 0,655$). То есть высокий уровень выраженности манипулятивного отношения к другим людям среди жителей Ростова-на-Дону проявляется в том числе в их активной позиции во взаимоотношениях с Другим, стремлении включиться в определенную социальную общность. Другими словами, манипулятивное отношение к другим людям сопряжено с выделением в окружающем городском пространстве таких характеристик, как «активный», «быстрый», «дорогой». Также были обнаружены следующие корреляционные связи: высокий уровень выраженности манипулятивного отношения связан прямопропорциональной корреляционной связью с тенденцией контролировать отношения с другими ($r = 0,483$), а также с тенденцией устанавливать близкие эмоциональные отношения с другими ($r = 0,477$). На наш взгляд, такие взаимозависимости связаны с потребностью в контроле и организации продуктивных отношений с другими посредством включения манипулятивных действий. Среди респондентов, проживающих в Москве, корреляционные взаимозависимости между манипулятивным отношением и другими параметрами отношений не выявлены.

Уровень выраженности доверия к Другому у жителей Ростова-на-Дону обнаруживает корреляционную связь с такой характеристикой города как «свой/чужой» ($r = 0,782$). В данном случае мы можем предположить, что более высокий уровень доверия к другим обусловлен ощущением своей принадлежности к городскому пространству, наличием интерпретации его как «своего» в противовес «чужому». И наоборот, высокий уровень доверия к другим позволяет субъекту рассматривать окружающее его пространство как «свое», распространяя это доверие на мир вокруг него (подобная интерпретация соответствует системному подходу к анализу взаимосвязей различных типов отношений личности, заложенному В.Н. Мясичевым).

Также среди выборки жителей г. Ростова-на-Дону были обнаружены корреляционные связи между выраженностью доверия к другим и социальной потребностью во включении на уровне требуемого от других поведения ($r = 0,773$) и потребностью в установлении близких эмоциональных отношений на уровне требуемого от других поведения ($r = 0,583$). То есть, на наш взгляд, именно ожидание социального интереса и любви со стороны других людей является значимым условием доверия, проявляемого респондентами данной группы к Другому.

Корреляционный анализ данных, полученных на выборке жителей Москвы, выявил, что у них показатель доверия коррелирует с принятием другого, тенденцией находиться в обществе других людей ($r = 0,488$), а также склонностью устанавливать близкие отношения с другими ($r = 0,782$) и доброжелательностью ($r = 0,655$). Кроме того, корреляционный анализ выявил, что такой вид отношений как доверие обнаруживает корреляционные связи с характеристиками города «легкий/тяжелый» ($r = 0,624$), «хаотичный/упорядоченный» ($r = -0,390$) и «плохой/хороший» ($r = 0,569$). Легко предположить, что последняя пара прилагательных (применительно к Другому) находится в прямой зависимости с уровнем доверия индивида. А вот восприятие города как «хаотичного» и «тяжелого» связано с неопределенностью и нестабильностью поведения окружающих, в связи с чем и демонстрируется низкий уровень доверия среди респондентов Москвы.

Такие характеристики города как «дорогой/дешевый» ($r = 0,525$) «большой/маленький» ($r = 0,461$) оказались связанными с принятием других. Мы предполагаем, что такая взаимосвязь связана с коммерциализацией публичного пространства и способа формирования отношения других к себе за счет демонстрации практики «потребления города» (Л. Лофланд, А. Желнина). Также были обнаружены корреляционные взаимозависимости между доброжелательностью и такими определениями города, как «глупый/умный», «жизнерадостный/унылый». Была выявлена корреляция между враждебностью и характеристиками «любимый/ненавистный».

Дальнейший анализ данных ориентирован, во-первых, на подтверждение предположения о том, что виды и типы отношения к Другому будут отличаться у жителей мегаполиса, большого и малого города; во-вторых, на проверку гипотезы о наличии различий выраженности отношений к Другому между жителями, дифференцированными по территориально-пространственным параметрам в рамках одного города, вне зависимости от его величины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
2. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтея, 2007. – С. 64–87.
3. Глазычев В.Л. Воспитание пространства // Знание – сила. – 2004. – Август. – С. 39–46.
4. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. – URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

5. Де Серто М. По городу пешком // *Communitas/Сообщество*. – 2005. – № 2.
6. Желнина А. Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге: опыт становления публичного пространства // *Communitas/Сообщество*. – 2006. – № 1. – С. 53–71.
7. Иовлев В.И. Архитектурный хронотоп и знаковость // *Семиотика пространства: сб. науч. тр. Международной Ассоциации Семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова*. – М.: Архитектон, 1999.
8. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982.
9. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М., 1986.
10. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии // *Человек в большом городе*. – СПб., 2000. – Часть 1.
11. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003.
12. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002.
13. Спирченко М.А. Образ, имидж и брэнд туристского города // *Архитектон: известия вузов. Электронный журнал*. – 2007. – №18. – URL: http://archvuz.ru/numbers/2007_22/k23
14. Хейдметс М. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // *Человек среда пространство: исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды*. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 129–161.
15. Шимко М.С. Особенности зрительного восприятия. – М.: Высшая школа, 1990.
16. Шкурко Т.А. Концепция отношений личности // *Социальная психология личности*. – М.: Гардарики, 2001. С. 129–142.
17. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *Социологические исследования*. – 1998. – № 4. – С. 94–99.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ О ПАРТНЁРАХ ПО МАЛОМУ БИЗНЕСУ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К «СВОЕЙ» И «ЧУЖОЙ» ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Бзезян А.А.

Статья посвящена изучению влияния на представления русских предпринимателей о партнерах по бизнесу их принадлежности к «своей» или «чужой» этнической группе, исследованию влияния непосредственного или опосредованного опыта общения с ними. Рассматриваются оценки выраженности набора личностных черт, которые традиционно входят в структуру представлений о предпринимателе, и совокупность которых указывает на степень позитивности – негативности представления о предпринимателе. Сравнительный анализ оценок личностных характеристик предпринимателей, принадлежащих к «своей» и «чужой» этнической группе, показал существенное влияние этнического фактора на степень позитивности представлений о предпринимателе.

Ключевые слова: представление, личностные характеристики, предприниматель, этническая группа.

Постановка проблемы влияния этнокультурного фактора на формирование образа предпринимателя приобретает особое значение в условиях интернационального бизнеса. В социальной психологии как один из результатов восприятия социальных объектов выделяют представление о другом человеке. Множество отечественных и зарубежных психологов в качестве предмета исследования рассматривают социальные представления и образы [1, 3, 7, 8, 16]. Такие ученые, как А.И. Донцов, Т.П. Емельянова считают, вслед за С. Московичи, что представления людей о политических событиях, социальных явлениях, отдельных личностях и т.д. должны стать основным предметом анализа в социальной психологии [6]. С. Московичи, основоположник теории социальных представлений, определил данное представление как «набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций» [18, с. 181]. Т.П. Емельянова также подчеркивает, что представление, исходя из данной концепции, означает «динамический социальный процесс группового конструирования социального объекта» [7, с. 8], нечто общее в индивидуальных сознаниях членов социальной общности, «та часть индивидуальных сознаний, которая типична для представителей одной и той же социальной группы» [6, с. 148]. Отечественные исследователи, опираясь на взгляды С. Московичи, предлагают рассматривать социальные представления как интеграцию понятийных и образных компонентов, как «специфическую форму знания, которая связывает

субъект с объектом, то есть познающий субъект как бы сливается с тем, что он познает» [16, с. 5]. Концепция социальных представлений дала толчок многим последующим исследованиям, в которых анализировались структура, функции, механизмы формирования, влияние различных факторов на содержание представлений [2, 4, 5, 10, 15].

Вопрос о взаимосвязи этнокультурного фактора с социальными представлениями широко обсуждается в последние годы в социальной психологии. Большинство исследователей согласны с тем, что данный фактор может оказывать влияние на содержание социальных представлений о различных сферах жизни [2, 10, 17]. Так, в исследовании О.Е. Хухлаева и Е.А. Балашовой установлено, что этнический фактор оказывает статистически значимое влияние на социальные представления об отношении руководства и подчинения [2, 17]. Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что этнокультурная принадлежность (русские и татары) респондентов в большей степени, чем возраст, пол, статус определяет различия в социальных представлениях об отношениях руководства и подчинения [2, 17]. В исследовании Н.М. Лебедевой, О.В. Марковской, посвященном изучению социальных представлений русских и немцев о ситуации гостеприимства, была выявлена зависимость этого представления от этнической принадлежности [10]. Т.П. Емельянова и А.С. Паттисон выделяют три фактора, детерминирующих конструирова-

ние социальных представлений о «чужой» национальной группе: опыт личного наблюдения и общения; влияние образов, транслируемых СМИ, содержание коллективной памяти [8]. На основе выводов данного исследования можно предположить, что представления о личности предпринимателя из «чужой» этнической группы также будет зависеть от опыта личного наблюдения, общения; от влияния образов предпринимателей, сформированных СМИ. Следовательно, для уточнения положений, касающихся влияния этнического фактора на представления русских предпринимателей о личностных характеристиках партнеров по бизнесу, необходимо учитывать, как опыт непосредственного взаимодействия с предпринимателями из других этнических групп, так и влияние СМИ на формирование представлений о тех предпринимателях, опыт непосредственного общения с которыми отсутствует, но вероятность возникновения бизнес коммуникаций с ними достаточно высока в современных условиях.

На правомерность такого вывода указывают исследования, в которых получены данные о вариативности представлений о предпринимателе в зависимости от национальности, возраста и территории проживания респондентов, от их «жизненного положения» [8, 9]; о влиянии СМИ на образ бизнесмена, о существовании биполярных образов предпринимателей [9, 12], обозначенных как феномен «раскола представлений о предпринимательстве».

Исходя из вышеприведенных исследований, в данной работе осуществляется проверка **гипотезы** о влиянии на представления русских предпринимателей о партнерах по бизнесу их принадлежности к «своей» или «чужой» этнической группе, о влиянии непосредственного или опосредованного опыта общения с ними. В центре нашего внимания находятся личностные особенности, которые традиционно входят в структуру представлений о предпринимателе, и совокупность которых указывает на степень позитивности–негативности представления о предпринимателе.

С целью проверки выдвинутой гипотезы был осуществлен сравнительный анализ оценок личностных характеристик предпринимателей, принадлежащих к «своей» и «чужой» этнической группе и определена степень позитивности–негативности представлений о них.

Методы исследования

1. Авторская методика: «Визуальная презентация партнеров по малому бизнесу». В качестве потенциальных партнеров рассматривались фотоизображения предпринимателей, принадлежащих

к следующим этногруппам: русские, армяне, немцы, японцы. Респондентам предъявлялись четыре фотографии предпринимателей, принадлежащих к определенным этническим группам. На фотографиях были представлены предприниматели мужского пола, одной возрастной категории; фотоизображения были уравнены по размеру; все предприниматели были одеты в официально-деловом стиле. Предприниматели, принадлежащие к этническим группам: «русские» и «армяне», рассматривались как партнеры, с которыми имеется непосредственный опыт общения, а предприниматели, принадлежащие к этническим группам: «немцы» и «японцы» рассматривались как партнеры, с которыми, практически, отсутствует непосредственный опыт общения, представления о них, в большей степени, формировались под влиянием СМИ.

2. Семантический дифференциал. Как известно, координатами объекта в семантическом пространстве являются его оценки по ряду биполярных градуированных оценочных шкал, их противоположные полюса заданы с помощью вербальных антонимов [13]. Используемый семантический дифференциал состоял из десяти шестибальных оценочных шкал, включающих слова-антонимы, обозначающие противоположные по смыслу личностные характеристики, такие как: доминантный/уступчивый; сердечный/холодный; нечестолюбивый/честолюбивый; глупый/умный; чистоплотный/нечистоплотный; не нравится окружающим/нравится окружающим; уравновешенный/неуравновешенный; неагрессивный/агрессивный; нечувствительный/чувствительный; активный/пассивный [11]. Участникам исследования предъявлялось фотоизображение предпринимателя, принадлежащего к одной из указанных выше этнических групп, и предлагалось оценить представление о нем по выше перечисленным шкалам. В инструкции уточнялось, что оценка в 6 баллов соответствует максимальной выраженности определенной личностной черты у предпринимателя, а оценка в 1 балл – минимальной выраженности той или иной черты.

В процессе обработке данных использовался статистический пакет SPSS 16.0., с целью определения различий применялся Z-критерий Вилкоксона.

В исследовании приняли участие предприниматели, занимающиеся малым бизнесом (30 человек), в возрасте от 22 до 27 лет; 20 женщин и 10 мужчин; студенты – будущие менеджеры (20 человек), в возрасте от 20 до 22 лет; 11 женщин и 9 мужчин. Большинство респондентов принадлежали к этнической группе «русские».

Результаты исследования

Результаты анализа оценок предпринимателей по выше перечисленным шкалам показали, что в представлениях русских предпринимателей и студентов – будущих менеджеров преобладают высокие оценки таких черт, как доминантный, сердечный, честолюбивый, умный, чистоплотный, нравится окружающим, уравновешенный, неагрессивный, чувствительный, активный. Они оцениваются в диапазоне от 4 до 6 баллов, а выраженность таких черт, как уступчивый, холодный, нечестолюбивый, глупый, нечистоплотный, не нравится окружающим, неуравновешенный, агрессивный, нечувствительный, пассивный оценивается в диапазоне от 1 до 3 баллов. Из этих данных следует, что в представлениях русских предпринимателей и студентов – будущих менеджеров преобладают позитивные личностные черты предпринимателей независимо от их принадлежности к «своей» или «чужой» этнической группе, независимо от наличия или отсутствия опыта непосредственного общения с ними. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что представления русских предпринимателей и студентов – будущих менеджеров о партнерах по бизнесу, принадлежащих к «своей» или «чужой» этнической группе, отличаются высокой степенью позитивности. Вместе с этим, разброс оценок личностных характеристик в диапазоне от 4 до 6 баллов указывает на существующие различия в степени позитивности представлений русских предпринимателей и студентов – будущих менеджеров о партнерах по бизнесу, принадлежащих к «своей» и «чужой» этнической группе.

Сравнительный анализ оценок по каждой шкале личностных характеристик, проведенный с помощью Z-критерия Вилкоксона, показал, что в представлениях русских предпринимателей о русском значимо выше, чем в представлениях о предпринимателе, принадлежащем к этнической группе «немцы», оценивается выраженность таких черт, как сердечность ($z = 3,632$), чувствительность ($z = 2,018$) и неагрессивность ($z = 2,300$), нравится окружающим людям ($z = 1,949$). В то же время, предприниматели, относящиеся к этнической группе «немцы», оцениваются как более доминантные ($z = - 2,957$) и честолюбивые ($z = - 1,694$), по сравнению с русскими предпринимателями. В представлениях русских предпринимателей о русских и немецких предпринимателях совпадают оценки таких качеств личности как умный, чистоплотный, уравновешенный и активный.

Представления русских предпринимателей о русском предпринимателе значимо отличаются от представлений о предпринимателе, принадлежащем к этнической группе «армяне». Русские предприниматели оцениваются как более сердечные ($z = 2,365$), чистоплотные ($z = 1,903$), уравновешенные ($z = 2,930$),

неагрессивные ($z = 3,257$) по сравнению с предпринимателями, принадлежащими к этнической группе «армяне». Они в меньшей степени ($z = 2,972$) нравятся окружающим людям, чем русские предприниматели. В представлениях русских предпринимателей о русских и предпринимателях, принадлежащих к этнической группе «армяне», совпадают оценки выраженности таких качеств личности как доминантный, активный, чувствительный.

Представления русских предпринимателей о русском партнере по бизнесу значимо отличаются от представлений о партнере, принадлежащем к этнической группе «японцы». Предприниматели, относящиеся к этнической группе «японцы», оцениваются как более умные ($z = - 2,899$) и уравновешенные ($z = - 2,103$), но менее сердечные ($z = 2,402$) и чувствительные ($z = 1,794$) по сравнению русскими предпринимателями. Они в меньшей степени ($z = 1,461$) нравятся окружающим людям, чем русские предприниматели. В представлениях русских предпринимателей о русском предпринимателе и предпринимателе, принадлежащем к этнической группе «японцы», одинаково оценивается выраженность таких личностных черт, как чистоплотный, неагрессивный и активный.

Выводы

1. Представления русских предпринимателей о предпринимателях независимо от их принадлежности к «своей» или «чужой» этнической группе, независимо от наличия или отсутствия опыта непосредственного общения с ними отличаются высокой степенью позитивности.
2. В представлениях русских предпринимателей независимо от этнической принадлежности партнера высоко оценивается выраженность таких личностных черт, как доминантный, сердечный, честолюбивый, умный, чистоплотный, нравится окружающим, уравновешенный, неагрессивный, чувствительный, активный.
3. В зависимости от этнической принадлежности партнера по бизнесу («своя» или «чужая» этническая группа) изменяется оценка выраженности определенных личностных черт.
4. В представлениях русских предпринимателей о русском он выглядит более сердечным, чувствительным, неагрессивным, приятным для окружающих, чем предприниматели, принадлежащие к этнической группе «армяне», «немцы», «японцы».
5. В представлениях русских предпринимателей предприниматели, принадлежащие к этнической группе «немцы», отличаются доминантностью, честолюбием, а у предпринимателей, принадлежащих к этнической группе «японцы»,

выше всего выражены ум и уравновешенность. Предпринимателям, принадлежащим к этнической группе «армяне», в качестве недостаточно выраженной черты приписывается чистоплотность (по сравнению с предпринимателями из других этнических групп).

6. Выраженность тех или иных личностных черт в представлениях русских предпринимателей о русском предпринимателе изменяется в зависимости от этнической принадлежности партнера, представление о котором сравнивается с представлением о русском предпринимателе.
7. Русский предприниматель выглядит таким же умным, чистоплотным, уравновешенным и активным, как предприниматель, принадлежащий к этнической группе «немцы», таким же доминантным, активным, чувствительным, как предприниматель, принадлежащий к этнической группе «армяне», таким же чистоплотным, неагрессивным и активным, как предприниматель, принадлежащий к этнической группе «японцы».
8. Представления русских предпринимателей сближаются с представлениями о предпринимателях, принадлежащих к этническим группам «немцы» и «японцы», по такому параметру, как чистоплотность и по этому же параметру отдаляются от представлений о предпринимателе, принадлежащем к этнической группе «армяне».
9. Опыт непосредственного общения с предпринимателями из «своей» и «чужой» этнической группы оказывает дифференцированное влияние на оценку выраженности определенных личностных черт предпринимателя. Представление русских предпринимателей о русском предпринимателе более позитивное, чем представление о предпринимателе, относящемся к этнической группе «армяне». Данный факт можно объяснить спецификой регионального развития малого бизнеса в Ростове-на-Дону, где традиционно, большое место занимают представители этнической группы «армяне».
10. Влияние СМИ на представления о предпринимателях, опыт непосредственного общения с которыми, практически, отсутствует, проявилось в том, что оценка выраженности определенных личностных черт соответствует транслируемым этническим стереотипам: немец более черствый, доминантный, честолюбивый, чем русский, а японец более умный и уравновешенный.

Таким образом, на основе полученных результатов и сформулированных выводов можно заключить, что гипотеза о влиянии на представления русских предпринимателей о партнерах по бизнесу их принадлежности к «своей» или «чужой» этнической группе, о влиянии непосредственного или оп-

средованного опыта общения с ними, нашла свое подтверждение. Сравнительный анализ оценок личностных характеристик предпринимателей, принадлежащих к «своей» и «чужой» этнической группе, доказывает влияние этнического фактора на степень позитивности представлений о предпринимателе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Балашова Е.А. Взаимосвязь этнокультурной принадлежности и специфики социальных представлений об отношении руководства и подчинения (на выборке русских и татар): автореф. дис. ... канд. психол. наук. – URL: <http://childpsy.ru/dissertations/id/22282.php>
3. Бодалёв А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
4. Гребенникова О.В. Особенности социальных представлений современных российских подростков // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2010. – № 2 (10). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/308-grebennikova10.html>
5. Дагаева Е.А. Теория социальных представлений как методологическая основа изучения имиджа // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев. – М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/dagaeva_ea.doc.pdf
6. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии. – 1984. – № 1. – С. 147–152.
7. Емельянова Т.П. Социальные представления – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 6. – С. 39–47.
8. Емельянова Т.П., Паттисон А.С. Особенности социальных представлений о русских у жителей Чехии и США // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2010. – № 5.
9. Имидж предпринимателя у педагогов и учащихся / Балабанов С.С., Воронин Г.Л., Французова Л.Я. // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 8–12.
10. Лебедева Н.М., Марковская О.В. Взаимосвязь социальных представлений русских и немцев с психологическими характеристиками куль-

- тур (на примере ситуации гостеприимства) // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 4. – С. 77–85.
11. Маслач К., Пайнс Э. Практикум по социальной психологии: 4-е международное издание. – СПб.: Питер, 2000.
 12. Мелия М.И., Розин М.В. Формирование позитивного образа предпринимателя в общественном сознании // Вопросы психологии. – 1993. – № 1.
 13. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972.
 14. Попов В.Д. Социальный психоанализ субъектов российского рынка // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 5. – С. 30–43.
 15. Пономаренко Л. Особенности социальных представлений граждан Украины и США (кросс-культурный анализ) // Сайт «Всё о психологии». – URL: http://pppsychology.ru/politicheskaya_psihologiya/osobennosti_socialnyh_predstavlenij_grazhdanok_ukrainy_i_ssha
 16. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений / Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомадрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голынчик Е.О. // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2009 – № 2. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/ezpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik/>
 17. Хухлаев О.Е., Балашова Е.А. Социальные представления об отношении руководства и подчинения: кросс-культурные различия // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 91–105.
 18. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. By P.J. Forgas. – London, 1981. – P. 181–209.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИТЯЗАНИЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОФИЦЕРОВ

Кирякова Е.А.

Данная статья посвящена теоретическому анализу психологических аспектов изучения притязаний у военнослужащих офицеров. Рассматриваются определения, виды, функции, характеристики и особенности видов притязаний; необходимость исследования профессионально-карьерных притязаний у военнослужащих офицеров в связи с их индивидуально-психологическими особенностями, адаптированностью и продолжительностью профессиональной служебной деятельности.

Ключевые слова: притязания, профессионально-карьерные притязания, психологические аспекты, адаптированность, продолжительность профессиональной служебной деятельности.

В современных условиях деятельности Вооруженных Сил профессиональное становление состава офицеров играет важную роль в Российской Армии. На сегодняшний день современная армия заинтересована в подготовке высококвалифицированных кадров. Научно-теоретическая и практическая подготовка будущих воинов, их индивидуально-психологические качества являются одним из важных составных частей боевого потенциала воюющих сторон, во многом определяющих исход войны. В стремительно меняющемся мире с широкими возможностями многие военнослужащие офицеры желают достичь успехов в профессии, добиться высокого карьерного положения и материального достатка, устроить личную и семейную жизнь в соответствии со своими стремлениями к благополучию. Для удовлетворенности жизнью необходимо всестороннее развитие личности, реализация всех стремлений в деятельности субъекта. С начала воинской деятельности от лейтенанта до выхода на пенсию происходит постоянное самосовершенствование военнослужащих офицеров в профессии. Во многом успех этой деятельности зависит от притязаний военнослужащих офицеров. Еще замечательный полководец А.В. Суворов говорил: «Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом!». Если провести анализ сказанного великим генералиссимусом, то можно определенно утверждать, что любой воин без притязаний к карьерному росту не имеет возможности самосовершенствоваться на профессиональном уровне. А значит, такой солдат победить в войне не может!

Необходимость изучения притязаний военнослужащих подтверждается сменой устано-

вок, мотивов, ценностей офицеров в условиях социально-экономических перемен в стране и реформирования военной армии. Продолжительность военной службы, ее строгая регламентированность приводят к формированию определенных по содержанию притязаний, а выход офицеров в запас в сравнительно молодом возрасте предоставляет возможности для реализации притязаний, сформировавшихся за годы военной службы. В современной армии задействованы мужчины и женщины, что обуславливает влияние половой дифференциации военнослужащих на содержание и характеристики их притязаний. Иначе говоря, имеются объективные предпосылки для активизации психологического интереса к исследованию притязаний у военнослужащих офицеров, что и обусловило выбор предмета изучения: притязания военнослужащих офицеров.

Цель исследования: обобщить психологические аспекты изучения притязаний.

Осознание содержания собственных притязаний важно для самоопределения личности в профессиональной деятельности, для ее благополучия в сфере межличностных отношений, для творческой самореализации человека, что и обуславливает многообразие исследовательских подходов к изучению содержания, строения, характеристик, функций и видов притязаний.

В результате теоретического анализа С.Т. Джанерьян и А.В. Шумихина выделили психологические аспекты изучения притязаний: целевой, потребностно-мотивационный, личностно-диспозиционный и оценочный.

В рамках целевого аспекта (К. Левин, Дж. Атkinson, Х. Хекхаузен, Л.В. Бороздина, О.К. Тихомиров и др.) притязания рассматриваются как феномен, отражающий процессы целеполагания: уровень сложности поставленной цели, выбор цели из ряда альтернатив, стереотип тактики целеполагания и т. п. В.К. Гербачевский говорит о воплощении в степени трудности целей, потребностей и мотивов человека. О.К. Тихомиров в структуру понятия притязаний помещает цель субъекта и предполагаемый результат.

В рамках личностно-диспозиционного аспекта (В.Н. Мясищев, К.А. Абульханова-Славская) притязания выступают как интегральная характеристика личности, как устойчивое личностное образование, личностная диспозиция. Притязания обуславливают индивидуальные различия в поведении человека, его достижениях.

Потребностно-мотивационный аспект (В.С. Мерлин, Л.И. Божович и др.) отражает трактовку притязаний как синтеза мотивов разной степени обобщенности. Притязания побуждают личность к соответствующему осуществлению деятельности и уровню достижений.

В оценочном аспекте (В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев, Б.В. Зейгарник) притязания определяются как критерий оценки результатов. В притязаниях воплощается стандарт достижений, который индивид устанавливает для себя и ожидает достичь. В каждом из приведенных аспектов подчеркивается связь притязания с мотивационной сферой личности, влияние притязаний на текущие и отставленные достижения личности.

Дефиниции притязаний также многозначны, отражая их сложность и многомерность. Х. Хекхаузен притязания рассматриваются, как гипотетический конструкт, служащий в теории мотивации для объяснения индивидуальных различий поведения в ситуации достижения и играющий важную роль в самооценке имеющихся способностей и достигнутых результатов. Притязания как экспериментальная парадигма означает «сообщаемую экспериментатором испытуемому целевую установку по отношению к уже известной, более или менее освоенной и снова решаемой задаче, причем сама эта установка (цель) внутренне принимается испытуемым». В ряде исследований Х. Хекхаузена, Ф. Хоппе, О.Н. Арестова, уровень притязаний проявил чувствительность по отношению к самооценке собственных возможностей; ригидности целеобразования и поведения в целом; степени уверенности в своих силах; способе выхода из ситуации конфликта и другим аспектам регуляции деятельности и др. Методика диагностики притязаний широко используется для диагностики нормальной и аномальной личности.

Уровень притязаний трактуется как операциональная характеристика, то есть некоторый задачный уровень притязаний, формирующийся и изменяющийся в рамках лабораторного эксперимента. Дж. Фрэнк определяет уровень притязаний как уровень трудности в знакомом задании, который индивид определенно берется достигнуть, на основании знаний об уровне предыдущего выполнения задания.

Уровень притязаний отождествляется с уровнем трудности выбираемых целей. Такое понимание притязаний является основным в отечественной психологии и у ряда зарубежных авторов. В данном определении операциональный компонент нивелируется, и на первое место выступают личностные особенности концепта.

С.Т. Джанерьян и А.В. Шумихина определили притязание как «мотивационно-целевое личностное образование, которое проявляется в стремлении к достижению субъективно приемлемого результата в значимых сферах жизнедеятельности» [5, с. 34]. Мы определяем профессионально-карьерные притязания как мотивационно-целевое личностное образование, направленное на достижение субъективно приемлемого результата в профессиональной деятельности или карьере. На эту дефиницию притязаний будем опираться в нашем исследовании.

Разносторонне изучены виды притязаний: профессиональные (А.К. Маркова), ролевые (П.П. Горностай), экономические (В.А. Хашенко), материальные (Н.Г. Багдасарьян, А.А. Немов), жизненные (В.С. Магун, М.В. Энговатов). А.К. Маркова определяет профессиональные притязания как «стремления достичь результата определенного уровня профессиональной деятельности» [9, с. 308].

Социологи В.С. Магун, М.В. Энговатов вводят понятие «жизненного притязания», определяя его как «относящееся к тем разновидностям потребностей, которые человек самостоятельно, свободно для себя выбирает в отличие от тех (как правило, меньших по объему требуемых благ и легче достижимых) потребностей, которые он вынужден принимать под давлением обстоятельств» [8, с. 194].

П.П. Горностай предлагает понятие «ролевое притязание», которое является одним из компонентов жизненного притязания [4, с. 31], Ролевое притязание – это «модель жизненной роли в ее протяженности из прошлого в будущее, включающая ролевые потребности (прежде всего, потребность в ролевом переживании)». Как следует из приведенных определений, виды притязаний выделены по критерию содержания субъективно приемлемых для личности результатов в различных сферах жизнедеятельности человека.

С.Т. Джанерьян, А.В. Шумихина выделили ряд функций притязаний: прогностическую, оценочную, функцию полезности для субъекта [5]. Прогностическая функция проявляется в предвосхищении ожидаемого результата действия. Оценочная функция выражается в способности человека оценивать свои успехи и неудачи, достижения. Функция полезности для субъекта определяет уровень притязаний, который направлен на результат, имеющий наибольшую полезность для субъекта из ряда возможных.

Они же выделили пространственную, временную, интенсивностную и информационную характеристики притязания личности. Пространственные характеристики притязания отражают особенности распространения притязания в пространстве, а именно – проявления содержания притязания, его широты, адресованности самому субъекту, либо социальному. Временные характеристики притязания включают такие параметры как устойчивость и изменчивость притязания, его ситуативность и долгосрочность, ориентированность на будущие достижения в совокупности с опорой на прошлый опыт значимых для личности достижений. Интенсивностные характеристики притязания личности отражают условия, при которых возможно достижение значимой цели, а именно, степень соответствия притязания устремлениям, потребностям личности, воспринимаемый субъективный риск выбираемой цели, побудительная сила притязания и готовность субъекта прикладывать усилия для реализации притязания. Информационные характеристики притязания связаны с качественным изменением притязания за счет интеграции информации о среде. Таким образом, притязание личности как психологическое образование проявляется через устойчивые, доступные эмпирическому изучению и фиксации пространственную, временную, интенсивностную и информационную характеристики.

Рассмотрение определений, видов, функций, характеристик, особенностей видов притязаний позволяет использовать выработанные исследователями теоретические схемы анализа притязаний к изучению профессионально-карьерных притязаний у военнослужащих офицеров в связи с их индивидуально-психологическими особенностями, адаптированностью и продолжительностью профессиональной служебной деятельности.

Анализ работ, направленных на изучение особенностей личности военнослужащих офицеров, их профессионального становления (С.В. Величко, А.Л. Жарова, М.Г. Захаренко, И.В. Соловьева), позволяет выделить специфические предметы исследований:

- профессионально-личностное развитие военнослужащих офицеров и структурно-содержательные характеристики профессиональной деятельности офицеров [7];
- психологическую адаптацию военнослужащего и адаптационный потенциал у военнослужащих в психологической подготовке к гражданской жизни [3];
- психологические условия профессионального самоутверждения молодых офицеров;
- психологические особенности Я-концепции личности офицеров [12];
- самосознание, психологические условия профессионального самоутверждения военнослужащих [10].

В анализируемых исследованиях рассматриваются влияние ценностно-мотивационной сферы, самосознания, потенциальных характеристик личности военнослужащего на особенности адаптации, успешности службы, профессиональное самоопределение. Теоретико-эмпирические исследования видов притязаний военнослужащих офицеров практически отсутствуют. В этой связи необходимо изучать профессионально-карьерные притязания военнослужащих офицеров, обусловленных их индивидуально-психологическими особенностями, адаптированностью и продолжительностью их профессиональной служебной деятельности.

Выводы

Виды притязаний выделяются в психологических исследованиях по критерию содержания субъективно приемлемых для личности результатов в различных сферах жизнедеятельности человека.

В традиционных исследованиях притязания военнослужащих офицеров не выступают предметом изучения.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в углубленном изучении профессионально-карьерных притязаний военнослужащих офицеров, в связи с их индивидуально-психологическими особенностями, адаптированностью и продолжительностью профессиональной служебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина И.Ш. Уровень притязаний студентов педвуза с различными акцентуациями характера: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2003. – С. 15–170.
2. Багдасарьян Н.Г. Послевузовские ожидания студенческой молодежи. – М., 2003. – С. 113–119.
3. Величко С.В. Адаптационный потенциал военнослужащих в психологической подготовке к гражданской жизни: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2004. – С. 24–35.

4. Горноста́й П.П. Жизненные притязания личности. Вып. 8(11). – Киев, 2004. – С. 31.
5. Джанерьян С.Т., Шумихина А.В. Взаимосвязь притязаний и Я-концепции: теоретико-психологический аспект // Северо-Кавказский психологический вестник. – Ростов н/Д., 2007. – № 3. – С. 34–78.
6. Жаров А.К. Психологические условия профессионального самоутверждения молодых офицеров надводных кораблей: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2003. – С. 23–24.
7. Маклаков А.Г. Военная психология. – М., 1998. – С. 57–59.
8. Магун В.С., Энговетов М.В. Жизненные притязания различных социальных групп молодежи. – Самара, 2003. – 194 с.
9. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996. – 308 с.
10. Петер С.Л. Самосознание, психологические условия профессионального самоутверждения военнослужащих офицеров: дис. ... канд. психол. наук. – М, 2001. – 216 с.
11. Соловьев И.В. Психологическая адаптация военнослужащих внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в условиях вооруженного конфликта: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999. – С. 28–57.
12. Цыбаева Л.А. Психологические особенности Я-концепции личности офицеров: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2001. – С. 23–56.
13. Gerald Bergman, Ph.D. vs. Bowling Green State University et. al., Court Transcript. – P. 582.
14. Military Psychology. Military Psychology: Overview. Retrieved. November 24, 2009. – P. 205–207.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕАЛА СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лебедева П.А.

В данной статье рассматривается понятие «идеал», различные его трактовки в современном гуманитарном знании, зарубежной и отечественной психологии. Обсуждаются общественно значимый и личностно значимый идеал. Раскрывается содержание общественно значимого идеала военнослужащего. Намечены основные перспективы исследования идеала современного военнослужащего.

Ключевые слова: идеал, общественно значимый и личностно значимый идеал, идеал военнослужащего.

В условиях реформирования армии произошли различные изменения, связанные с реорганизацией Вооруженных Сил, в том числе и изменения, внесенные в содержание нормативных документов, регламентирующих деятельность военнослужащих. С одной стороны, данные преобразования повлияли на систему ценностей военнослужащих, а с другой – одной из актуальных задач, стоящих перед современными Вооруженными Силами является формирование «нового» офицера. Таким образом, мы можем говорить о том, что в современной армии происходит процесс персональной переаттестации военнослужащих, и в связи с этим, особо важным представляется изучение личности человека (современного военнослужащего), а именно такого личностного образования, как идеал.

В современном гуманитарном знании понятие «идеал» существует уже давно, и изучается в рамках таких наук, как философия, этика, эстетика, педагогика. Проанализировав различные трактовки понятия «идеал» в рамках гуманитарных дисциплин, можно сделать вывод, что содержанием идеала выступает представление о совершенстве и долговечности, о наилучшем образце, высшей цели человеческих стремлений, а также наличие в его строении ценностного компонента. В психологической науке изучаются идеалы и идеалоподобные образования. В рамках зарубежной психологии рассматриваются особенности субъекта как носителя идеала, где идеал выступает как цель и регулятор развития личности (З. Фрейд, Х. Кохут, А. Адлер, К. Хорни, Э. Берн) или как модель совершенства (К. Роджерс, Р. Бернс). В отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, В.И. Головаха, И.О. Мартынюк) идеалы трактуются подобным образом. Другое

направление исследований идеалов осуществляется в рамках самосознания, в том числе и профессионального самосознания, и связано с изучением «образа идеального профессионала» или эталона личности профессионала (Я идеального) (Е.В. Козиевская, З.И. Рябикина) в котором отражены как профессионально-деятельностные, так и личностные качества. Идеалы могут относиться к любой области проявления жизнедеятельности человека, и это отражено в психологических исследованиях идеалов в связи с профессиональной принадлежностью (С.Т. Джанерьян, А.М. Шевелёва), уровнем перфекционизма (И.И. Грачёва), образом жизни личности (С.Т. Джанерьян, Д.И. Гвоздева) и с социальными представлениями о нравственном идеале в российском менталитете (М.И. Воловикова). Однако все эти исследования посвящены изучению неперсонифицированных идеалов (представление о модели поведения, соответствующего определённым требованиям, образу жизни, жизненного пути и т. д.). Персонифицированные идеалы (как представление о личности человека, обладающего желательными и ценными качествами или обобщённым набором таких качеств, идеальный тип человека) и аспекты их изучения не достаточно отражены на данный момент в психологических исследованиях.

Условия реформирования армии, предполагают процесс конструирования «нового» офицера, следствием которого может быть персональная переаттестация военнослужащих. В связи с этим, основной задачей исследований в этой области выступает изучение личности человека, которая может быть рассмотрена как идеал. Идеал выступает как ценностно-смысловое образование,

выполняющее регулируемую, мотивационную и смыслообразующие функции, а также функции целеполагания, образца и ориентира (эталонная функция).

В социологических исследованиях, посвященных изучению военнослужащих отмечается изменение ценностей и ценностных ориентаций военной службы за последние 15 лет (С.С. Соловьев, О.Н. Марусенко), что не могло не отразиться на изменении идеалов военнослужащих. В то же время психологические исследования ценностей и ценностных ориентаций военнослужащих немногочисленны.

В целом, анализ исследований, направленных на изучение военнослужащих, позволяет отметить изученность следующих аспектов:

- субъектность (Э.А. Бабаян, Т.В. Маркелова, И.В. Сыромятников);
- военно-профессиональная успешность (И.В. Дрюпина, Ю.М. Зуев);
- мотивационные особенности профессиональной деятельности (И.С. Ковальчук);
- профессиональное самоопределение (В.Н. Батищев, И.Г. Ожерельева, Р.Р. Шарипов);
- ценностно-смысловые основы воинской службы (В.В. Пепелев);
- особенности адаптации (С.В. Величко, С.С. Вьюшкова, И.В. Соловьев, О.Н. Тузова);
- профилактика суицидального поведения (П.В. Бухтояров, А.П. Сухонос);
- особенности имиджа Вооруженных Сил (Д.Г. Давыдов);
- кризисные состояния (Ю.В. Бруй, А.М. Жуков, С.Е. Заковряшина, Р.В. Кадыров, А.В. Сечко, Ю.Ю. Стрельникова) и реабилитация военнослужащих (Н.Н. Алалыкина).

Из перечисленных выше аспектов следует, что изучение идеалов, ценностей современных военнослужащих пока не достаточно представлено в отечественной психологической науке. Но, несмотря на отсутствие таких исследований, можно говорить о такой категории как идеал военнослужащего.

С.Л. Рубинштейн рассматривает идеал как образец, как совокупность норм поведения и как обобщенный образ [10]. Согласно данному автору, идеал выступает в двух формах: общественно значимой и личностно значимой.

В нормативных документах (общевойсковых уставах РФ), регламентирующих деятельность военнослужащего, задан общественно значимый идеал, выступающий как совокупность норм поведения.

Рассмотрим общие обязанности военнослужащего, согласно общевойсковым уставам РФ [9], как совокупность норм поведения, т. е. нормативный идеал.

Военнослужащий должен:

- 1) быть верным Военной присяге (обязательству), беззаветно служить народу РФ, мужественно и умело защищать Российскую Федерацию;
- 2) строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы РФ, требования общевойсковых уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров (начальников);
- 3) совершенствовать воинское мастерство, содержать в постоянной готовности к применению вооружение и военную технику, беречь военное имущество;
- 4) быть дисциплинированным, бдительным, хранить государственную тайну;
- 5) дорожить воинской честью и боевой славой ВС, своей воинской части, честью своего воинского звания и войсковым товариществом, с достоинством нести высокое звание защитника народа РФ;
- 6) соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ (ст. 16);
- 7) быть честным, храбрым, при выполнении воинского долга проявлять разумную инициативу, защищать командиров (начальников) в бою, оберегать Боевое знамя воинской части (ст. 17).

Военнослужащий обязан:

- 1) проявлять патриотизм, способствовать укреплению мира и дружбы между народами, предотвращению национальных и религиозных конфликтов (ст. 18);
- 2) уважать честь и достоинство других военнослужащих, выручать их из опасности, помогать им словом и делом, удерживать от недостойных поступков, не допускать в отношении себя и других военнослужащих грубости и издевательства, содействовать командирам (начальникам) и старшим в поддержании порядка и дисциплины, а также соблюдать правила воинской вежливости, поведения, выполнения воинского приветствия, ношения военной формы одежды и знаков различия (ст. 19);
- 3) знать и соблюдать в повседневной деятельности требования безопасности военной службы, должен заботиться о сохранении своего здоровья, повседневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек (курения, употребления алкоголя), не допускать употребления наркотических средств и психотропных веществ (ст. 20);
- 4) по служебным вопросам обращаться к своему непосредственному начальнику, а при необходимости с разрешения непосредственного начальника – к старшему начальнику, по личным вопросам военнослужащий также должен обра-

щаться к своему непосредственному начальнику, а в случае особой необходимости – к старшему начальнику (ст. 21);

- 5) знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными (ст. 22);
- 6) в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен. В бою он обязан с честью выполнить свой воинский долг.

Требования Устава едины для всех военнослужащих и подразумевают их воплощение в поведении. Таким образом, конструируемый в условиях деятельности личности идеал военнослужащего, как совокупность норм поведения, включает в себя следующие составляющие:

- устойчивые личностные особенности (честь, верность, мужественность, дисциплинированность, бдительность, патриотизм и др.);
- отношения с другими людьми (войсковое товарищество, взаимовыручка и др.);
- требования к профессиональной деятельности и особенностям ее выполнения (совершенство воинского мастерства, особенности обращения с военной техникой и имуществом; здоровый образ жизни и хорошая физическая подготовка и др.);
- требования к внешним атрибутам профессиональной деятельности (соблюдение правил воинской вежливости, поведения, выполнения воинского приветствия, ношения военной формы и знаков различия и др.).

Таким образом, в общественно значимом идеале не содержатся указания на ценности и мотивы военнослужащих, а внимание, прежде всего, акцентируется на актуальных личностных особенностях: характерологических чертах и уровнях достижения.

Общественно значимый идеал не всегда трансформируется в идеал персонифицированный, однако, в результате интериоризации социальных требований к индивиду, внутренней переработки, «переживания» идеал становится индивидуализированным и включается в систему основных мотивационных тенденций личности [10]. Следовательно, в результате такой переработки общественно значимый идеал становится личностно значимым. Личностно значимый идеал может быть содержательно сходным с общественно значимым нормативным идеалом, но помимо этого включать также ценности, мотивы и определенные личностные черты. К содержа-

тельным характеристикам личностно значимого нормативного идеала следует отнести мотивационно-личностные особенности, которые обеспечивают успешность выполнения военно-профессиональной деятельности [7], такие как высокий уровень военно-профессиональной направленности, общетрудовой и профессиональной мотивации, эмоциональная устойчивость, толерантность, ответственность, конструктивная агрессивность.

Следует отметить, что личностно значимый или индивидуализированный идеал военнослужащего формируется под влиянием родителей, образа жизни, требований устава и командиров, а также ряда других факторов.

В рамках изучения профессионального самознания, одним из компонентов профессиональной Я-концепции [4] выступает Я идеальное, которое может трактоваться как «образ идеального профессионала» или эталон личности профессионала [8, 11]. Придерживаясь позиции С.Л. Рубинштейна относительно разновидностей идеалов, можно рассматривать эталон личности профессионала как идеал образец. Данное образование также может выступать как персонифицированный идеал, так и неперсонифицированный. Исследование данного образования позволит расширить представление об осознании военнослужащим себя в профессиональной деятельности, заключающееся в понимании своих качеств и профессионального поведения.

Таким образом, перспективой для дальнейшего исследования выступает изучение у курсантов и военнослужащих содержания, характеристик и динамики идеала военнослужащего под влиянием успешности, продолжительности их деятельности, военной специализации, уровня адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
3. Головаха В.И. Жизненные перспективы и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев: Наукова думка, 1988. – 144 с.
4. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный анализ. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2004. – 480 с.
5. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Виды идеалов образа жизни личности студентов-выпускников ВУЗа: профессиональный аспект // Известия Южного Федерального Университета. Педагогические науки. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. – 2010. – № 9. – С. 149–156.

6. Джанерьян С.Т., Шевелева А.М. Идеалы профессиональной карьеры у будущих психологов // Психологический вестник. – Ростов н/Д, 2000. – Вып. 5. – Ч. 1–2. – С. 214–219.
7. Зуев Ю.М. Мотивационно-личностные детерминанты профессиональной успешности командиров воинских подразделений: дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2006. – 231 с.
8. Козиевская Е.В. Профессиональная самооценка и мотивация достижения госслужащих: психолого-акмеологическая модель влияния // Акмеология в системе деятельности государственных служащих / Под общей ред. А.А. Деркача. – М., 1999. – С. 5–14.
9. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации 2010. – М., Эксмо, 2010. – 608 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – 328 с.
11. Рябикина З.И. Развитие личности и профессиональный рост: автореф. дис. докт. психол. наук. – Минск, 1997. – 47 с.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ
КУРСАНТОВ МОРСКОЙ АКАДЕМИИ**

Панина Е.А.

В статье определяются психологические аспекты изучения мотивационной сферы моряков. Представлены следующие аспекты изучения деятельности моряков: психологический, социальный, религиозный, аспект неблагоприятных психических состояний, экономический, управленческий и мотивационный. Приведены результаты пилотажного исследования мотивационной сферы курсантов Морской академии.

Ключевые слова: *мотивационная сфера курсантов Морской академии, профессиональные мотивы деятельности, динамика мотивационной сферы курсантов-моряков, мотив выбора карьеры, специфичность деятельности моряков.*

На сегодняшний день в психологической науке достаточно разработана проблематика мотивации (В.Г. Асеев, А.Н. Леонтьев, В.К. Вилюнас, В.С. Мерлин, Д.Н. Узнадзе, П.М. Якобсон и др.), основательно представлена учебная мотивация (В.П. Ильин, А.К. Маркова, М.В. Вовчик-Блокитная, Ф.М. Рахматуллина, Н.А. Курдюкова и др.). Однако количество научных исследований, отражающих закономерности изменения мотивации в течении обучения курсантов – будущих моряков высших учебных заведений малочисленно, и они посвящены изучению мотивации учебной деятельности курсантов военных или юридических учебных заведений (И.И. Бринько, И.А. Володарская, К.Э. Комаров, А.С. Марков, В.В. Мелетичев и др.). Уже на этапе обучения в Морской академии деятельность курсантов имеет ряд своих специфических особенностей (несение вахты, отбывание нарядов, обязательное построение и т. д.), обусловленных наличием особой мотивации. Поэтому изучение и анализ мотивации выбора карьеры моряка именно на этапе обучения представляется актуальной задачей. Для полного представления необходимости анализа мотивационной сферы курсантов морской академии рассмотрим следующие аспекты изучения морской деятельности: психофизиологический, социальный, религиозный, неблагоприятных психических состояний, экономический, управленческий и мотивационный.

Изучение морской деятельности в психофизиологическом аспекте предполагает анализ специфичности влияния окружающих условий работы на организм субъекта. Моряки изучаются как представители профессиональной группы, на которую

воздействует много вредных факторов. Среди важнейших факторов – напряженный режим труда в отрыве от дома, физические и химические влияния, связанные с особенностями среды и работой судового оборудования и механизмов, частая смена климатических зон и часовых поясов (А.М. Войтенко, 1976). В этой связи проводились физиологические исследования моряков в условиях рейса и оценивалась их выносливость и выдержка (А.М. Войтенко, 1976; Н.С. Суханова, 2006). Также были проведены физиологические обследования с целью изучения функций организма моряков и их работоспособности (И.А. Сапов, 1980). Исследования посвящены тестированию моряков на уровень артериального давления в рейсе и его влияние на общее самочувствие (Н.С. Суханова, Е.В. Казакевич, 2006), на наличие ишемической болезни сердца (В.И. Винникова, 1979), на динамику распространенности артериальной гипертонии (Е.В. Казакевич, 2007), а также профилактики распространенных хронических заболеваний и реабилитации у моряков (В.А. Лисобей, 1991; Ю.Н. Бондарь, Н.А. Окатьева, Е.О. Пахомова, О.О. Протункевич, 2000).

В социальном аспекте изучения деятельность моряка изучается в связи его пребывания в течении длительного срока в ограниченном пространстве со своими коллегами. Анализ литературы показал, что необходимость пребывать в ограниченном пространстве и в относительной социальной изоляции во время рейса, негативно сказывается на межличностных отношениях людей. Это влияет на психологическое состояние личности и на атмосферу внутри коллектива. В этом контексте исследуются особенности взаимодействия плавсоставов (С.Е. Семейкин),

социально-психологические особенности больших морских экипажей (О.А. Истомина, 2007).

Также религиозный аспект изучения деятельности моряка рассматривает духовные позиции субъектов. Находясь в море, встречаясь с природными катаклизмами и непостоянством физико-химической среды, работники флота часто обращаются за поддержкой к религии. Исследование духовной сферы моряков показало наличие в этой сфере религиозного компонента, формирование которого обосновывается исторически сложившейся в России связи флота и Церкви (С.А. Данченко, 2007). Религиозные потребности формируются под влиянием семейных и национальных традиций и развиваются в процессе жизнедеятельности моряка.

В аспекте неблагоприятных состояний деятельность моряка рассматривалась с точки зрения последствий эмоционального стресса (Н.С. Суханова, Е.В. Казакевич, 2006), психолого-акмеологических особенностей сотрудников водного транспорта до и после рейса (С.Е. Семькин). Результатом исследований явилось то, что профессиональная деятельность работников водного транспорта может вызывать у них стрессовые состояния, высокий уровень тревожности, наличие эмоциональных проблем. Что, в конечном счете, может оказывать влияние на профессиональную деформацию в целом.

Экономический и управленческий аспекты изучения деятельности в море рассматривают объективные предпосылки кризиса, сформировавшегося за последние десять лет (Warsash Maritime Research Centre, 2003; MAIB, 2004). Суть кризиса состоит в наличии большого количества помощников капитанов и матросов и в явной недостаточности управленческого звена: капитанов и старших механиков. Дополнительно мировой финансовый кризис повлиял на снижение зарплат моряков. Профессия моряка на протяжении долгих лет считалась стабильно высокооплачиваемой, в наши дни это утверждение претерпевает изменения, что негативно сказывается на мотивации субъектов работать в море.

Наконец, в мотивационном аспекте изучения деятельности моряка были исследованы психологические особенности учебной мотивации курсантов морской академии (Ю.Ф. Кисляк, 2008); мотивация мужчин, выбравших морскую специальность (Е. Листопад, 2008). В результате определились факторы в качестве мотивации при выборе профессии моряка: экономическая выгода и возможность карьерного роста; эмоциональная привлекательность профессии моряка: интерес к кораблям, к морским путешествиям, морская романтика; престижность профессии; влияние близких людей.

Из всех приведенных аспектов видно, что профессия моряка опасная, экстремальная и непред-

сказуемая, связана с долгими разлуками с близкими людьми, требует высокого уровня подготовленности и квалификации. Зная данные особенности работы в море, молодые люди продолжают выбирать профессию моряка. Между тем, выбирая профессию моряка, субъекты стремятся, таким образом, строить профессиональную и жизненную карьеры. В выборе этой судьбы они реализуют разнокачественные мотивы: жизненные, профессиональные, карьерные. Здесь нужно заметить, что карьера в отличие от профессии – «сознательно выбранный и реализуемый субъектом путь должностного продвижения, стремление к намеченному статусу (социальному, должностному, квалификационному), что обеспечивает профессиональное и социальное самоутверждение человека в соответствии с уровнем его квалификации» [6]. Выбор карьеры – это в различной степени осознанный процесс выработки личностью решения о содержании карьеры, осуществляемый с учетом психологических и непсихологических факторов и актуализируемый под влиянием социально-профессиональной ситуации развития. На мотивы выбора карьеры влияют такие факторы – «личностные особенности: интересы, личностные типы, ценности работы, уровень способностей, переработка информации, тема жизни, Я-концепция, личностная идентичность, низкая самооценка, тревожность, недостаток профессиональной информации, особенности принятия человеком трудных решений, самоэффективность» [6]. Также следует обратить внимание, что в процессе обучения мотивы выбора карьеры могут менять содержание, осознаваться, переосмысливаться и изменяться, что в итоге отражается на качестве обучения и на желании работать моряком.

Мы проводили пилотажное исследование, направленное на выявление мотивов выбора карьеры у 103 курсантов 1–3 курсов факультета Судовождения и Радиоэлектроники (СВ) и факультета Эксплуатации судовых энергетических установок (ЭСЭУ) Морской академии. Результаты проведенного нами исследования показывают, что содержание мотивов выбора карьеры изменяется от курса к курсу вне зависимости от специализации. По мере профессионального взросления содержание ведущих жизненных, профессиональных мотивов и мотивов выбора карьеры претерпевают изменения на 2 и 3 курсах. Однако наиболее устойчивым декларируемым жизненным мотивом для курсантов независимо от профессиональной специализации и этапа обучения является стремление к материальному достатку. При этом содержание истинного ведущего мотива различно в зависимости от профессиональной специализации. Курсанты СВ стремятся к саморазвитию и поиску истины. Курсанты ЭСЭУ стремятся к получению физиче-

ского и психологического расслабления, не исключая употребления алкогольных и психофармакологических препаратов. Курсанты СВ схожи в стремлении получать деньги за конкретно оговоренные функции, в то время как для курсантов ЭСЭУ важно еще признание их заслуг. Мотивами выбора карьеры для курсантов СВ является реализация их призвания, для курсантов ЭСЭУ – продвижение по службе и выполнение определенной деятельности. Также наше исследование выявило изменение в согласованности жизненных, карьерных и профессиональных мотивов. На первом курсе все мотивы взаимосвязаны. Это свидетельствует о сформированной мотивационной сфере. Далее мы сопоставили результаты исследования особенностей мотивационной сферы курсантов-третьекурсников, которые переходят от теоретического обучения к практической деятельности (результаты этой деятельности непосредственно скажутся на последующей карьерно-профессиональной и жизненной судьбе). В итоге после прохождения практики (2–3 месяца работы матросом) все мотивы рассогласованы. Структура мотивационной сферы курсантов СВ и ЭСЭУ 3 курса не установлена, связи между разнотипными мотивами не выявлены, что может объясняться либо возникновением описанного в психологической литературе кризиса 3 курса, либо изменениями содержания профессиональной деятельности (морская практика).

Учитывая все сложности и особенности данного вида трудовой деятельности, важно установить мотивы выбора карьеры и их динамику на этапах обучения курсантов в Морской академии, что и представляет перспективу нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Р.Б., Лупачев В.В. Состояние психоэмоциональной сферы у моряков, работающих на судах иностранных фирм // Экология человека. – 2009. – № 3. – С. 23–28.
2. Винникова В.И. и др. К вопросу о профилактике ишемической болезни сердца у плавсостава морских судов // Сов. Здравоохранение. – 1989. – № 4. – С. 34–37.
3. Войтенко А.М. Зависимость заболеваемости моряков от некоторых судовых факторов // Материалы VII Междунар. симп. по морской медицине. – М., 1976.
4. Данченко С.А. Религиозная направленность моряков: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во Мор. Гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2007. – 61 с.
5. Джанерьян С.Т., Панина Е.А. Особенности мотивационной сферы курсантов-моряков как основа подготовки конкурентоспособного специалиста // Инновационные технологии профессиональной ориентации и подготовки конкурентоспособного специалиста: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. Е.Н. Барышниковой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – С. 61–64.
6. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный анализ. – Ростов н/Д: изд-во РГУ, 2004.
7. Казакевич Е.В. и др. Динамика распространенности артериальной гипертонии у моряков Северного морского пароходства // Морской мед. журн. – 1997. – № 1. – С. 43–45.
8. Кобзев М.В. Связь жизнестойкости будущих специалистов водного транспорта со стратегиями совладениями и защитными механизмами // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 5. – С. 291–298.
9. Сапов И.А. Солодков А.И. Состояние функций организма и работоспособности моряков. – Л., 1980.
10. Суханова Н.С., Казакевич Е.В. Психотерапия последствий эмоционального стресса у моряков // Вопросы психологии. – 2006. – № 6. – С. 155–159.

РАЗВИТИЕ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СХЕМНЫХ И ЗНАКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Шершнёв Р.Ю.

Поиск оптимальных технологий обучения заботит каждого мыслящего учителя. Наше исследование проводится на базе Ростовской гуманитарной гимназии № 45. В рамках эксперимента мы используем, адаптированную нами, технологию В.Ф. Шаталова. Мы предполагаем, что технология схемных и знаковых моделей активизирует смыслообразование и смыслопорождение учащихся, актуализируя их смысловой рост. Ценностные и смысловые ориентации учащихся обуславливают успешное овладение учебным содержанием предмета. Для оценки динамики смысловой сферы мы используем тесты смысло-жизненной ориентации и методику «Изучение мотивов учебной деятельности».

Ключевые слова: *смысл, опорный конспект, опорный сигнал, мотив, рейтинг, визуализированный ряд, презентация.*

Сегодня в отечественной системе образования складывается очень непростая ситуация. С одной стороны, ученик и преподаватель сталкиваются с колоссальными объемами информации, с другой стороны, предписанного Государственными образовательными стандартами времени на усвоение этого массива информации явно не достаточно. Объем учебного содержания – это далеко не вся информация, которая обрушивается на ученика. Поэтому для преодоления противоречий между стремительно растущим объемом знаний, подлежащих усвоению, и ограниченными сроками обучения необходимо искать новые формы организации учебного процесса и способы управления учебно-познавательной деятельностью обучаемых [3].

Наше диссертационное исследование проводится на базе Ростовской гуманитарной гимназии № 45. Главными рабочими гипотезами формирующего этапа эксперимента были выбраны следующие.

1. Технология схемных и знаковых моделей, интегрированная в компьютерно-визуализированное обучение активизирует смыслообразование и смыслопорождение учащихся, актуализируя их смысловой рост.
2. Ценностные и смысловые ориентации учащихся обуславливают успешное овладение учебным содержанием предмета.

В рамках эксперимента мы используем, адаптированную нами, технологию В.Ф. Шаталова. На каждое занятия нами разрабатывается так называемый опорный конспект, который представляет собой выжимку программного материала, разбитую на смысловые взаимосвязанные блоки, отраженную

в схемах, знаках и других опорах. Опорные конспекты для школьников мы специально делаем яркими и полноцветными. Конспект для школьников ориентирован на развитие их смысловой сферы. В опорных конспектах мы стараемся объединять программный материал и насыщать их информацией, которая заставляет учащихся задумываться о различного рода философских, экологических, эстетических и других проблемах. Например, в опорном конспекте «Основные направления эволюции», – в блоке «Регресс», мы добавляем информацию о видах животных, которые вымерли в результате антропогенного воздействия. А в презентации, которая сопровождает конспект, мы акцентируем внимание учащихся на редких и исчезающих видах Ростовской области, тем самым не в ущерб Федерального компонента базисного учебного плана, мы обычное занятие можем расширить информацией, которая, как правило, разбирается на уровне регионального или школьного компонента.

С давних пор известна истина о том, смыслу не обучаются и не учат, а также не учатся. Он человеку раскрывается, является, человек его ищет, постигает. Чтобы учащимся легче раскрылся смысл, необходимо создать для этого условия [1]. Одно из таких условий – это продуманный опорный конспект и его презентация. Однако для развития интереса к предмету и мотивов обучения, мы используем некоторые традиционные дидактические формы, хотя и в несколько нетрадиционной форме. Поскольку вопрос о смысле, это всегда вопрос о мотиве, то мы прилагали серьезные усилия для стимулирования мотивов учения школьников.

Мотивация на достижение успеха осуществляется нами в разных направлениях. *Одно из таких направлений – это игровая форма занятий.* Нами была разработана интерактивная викторина-презентация по разделу «Теория эволюции». Презентация включала в себя 40 текстовых и иллюстративных вопросов, за ответы на которые команды получали условную валюту игры – двусторонние, напечатанные нами деньги с изображением Чарльза Дарвина. Дидактическая игра всегда создает дух соревновательности, и в то же время сплачивает воедино членов команды. На уроках такого формата познавательная активность школьников достигала своего максимума. Интерес, рождаемый в условиях урока-игры, позволяет направлять познавательную активность и смысловую сферу ученика в контекст программного материала, вызывая запоминание и повторение пройденного материала.

Другим направлением, которое позволяет нам развивать именно смысловой аспект учебной деятельности, являются творческие задания. Как известно, любая творческая работа, позволяет ученику выйти за рамки учебного содержания, высказаться, реализовать свои скрытые резервы и потенциалы. Так нами, в обход разбора тем, связанных с религией и научным эволюционизмом, было предложено школьникам творческое задание, – написать эссе (сочинение) на тему: «Моё видение религии и теории эволюции». Вопросы соотношения религии и эволюционизма часто весьма болезненно проходят в школах, известен даже пример судебных разбирательств на этой почве. Мы не можем в рамках школьной программы настаивать на той или иной точке зрения, однако, наша цель – формирование естественнонаучной картины мира. Избежать всех этих проблем позволяет творческое задание, которое не регламентирует склонение учащихся в ту или иную сторону. Ученик самостоятельно, задействовав дополнительные материалы и свое мироощущение, излагает мысли касательно этих вопросов. Идет чистая смысловая работа, идет рождение и угасание смыслов, то, что мы называем смыслопорождением, смыслопроявлением. Формируется переживание, которое и является проявлением смысла, его следом, устанавливающим связь между предшествующим и последующим моментами смыслообразования. Смысловой след дает обратную связь между целостной смысловой сферой человека и его сиюминутным смысловым предпочтением [1].

Любая работа, должна сопровождаться хорошим контролем и важно, чтобы контроль над успешностью обучения школьника, одновременно регламентировал познавательную активность и смысловой аспект этой деятельности. По нашему мнению, лучшей формой контроля является гласность оценок и рейтинговая форма оценивания. В данном исследовании

рейтинг скорее понимается как осознание каждого отдельного ученика своего положения в матрице оценок, относительно ученического коллектива в целом. При этом учитель акцентирует внимание учеников, на том, что оценка на наших занятиях не является самоцелью, потому что любая оценка при добросовестном подходе может быть исправлена. Открытость результатов достигается вывешиванием рейтингового листа, с указанием оценок. В листе определенным цветом обозначены те оценки, которые необходимо пересдать, дабы иметь в итоге хорошие результаты. Это является действенной формой мотивировки на успех.

Развитие смысловой формы – это динамичный процесс, поэтому необходимо учитывать и оценивать различные изменения, происходящие со смысловой сферой познающего субъекта. В этом нам помогают валидные, проверенные методики и тесты. В качестве таковых мы выбрали тест смысложизненных ориентаций (СЖО) и методику изучения мотивов учебной деятельности. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Д. Крамбо и Л. Махолика. В нашем исследовании использовалась версия, разработанная и адаптированная Д.А. Леонтьевым. Обработка данных производится в соответствии с ключом методики путем перевода «сырых» данных в баллы по определенной шкале, далее анализ сводится к суммированию числовых значений для всех 20 шкал и переводу суммарного балла в стандартные значения. Интерпретация связана с комментариями по пяти субшкалам: 1) цели в жизни, 2) процесс жизни, 3) результативность жизни, 4) локус контроля – Я, 5) локус контроля – жизнь.

Тест СЖО позволяет изучить особенности смысловой сферы учеников, выделить уровень их смыслового развития. Результаты тестирования учащихся 9 класса (экспериментальная и контрольная группы) отображены в таб. 1.

Таблица 1

Общие показатели СЖО (в баллах)

	Группы	
	Экс.	Контрольная
ОЖ	106,22	101,47
Цель	31,56	31,37
Процесс	30,72	31,47
Результат	27,61	26,11
ЛК-Я	21,39	20,47
ЛК-Ж	33,94	30,95

Анализируя полученные данные, мы видим, что общий уровень осмысленности жизни у респондентов обеих групп достаточно высокий в целом (что соответствует данным Д.А. Леонтьева).

Баллы по шкале «Цель в жизни» укладываются в пределы, рассчитанные авторами теста, и в целом свидетельствуют о наличии в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу.

Содержание шкалы «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» совпадает с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Этот показатель говорит о том, воспринимают ли испытуемые сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Анализируя баллы по этой субшкале, можно утверждать, что полученный результат оказался слегка завышен (среднее значение по данным Д.А. Леонтьева – 29,95).

Шкала «Результативность жизни» отражает оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. В нашем распределении средние баллы по этой субшкале также слегка завышены (среднее значение по данным Д.А. Леонтьева – 24,38), при этом корреляция баллов по другим субшкалам оказывается в норме позитивного распределения.

Шкала «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)». Высокие баллы по данной шкале соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле. Низкие баллы по данной шкале показывают неверие респондента в свои силы, в способность контролировать события собственной жизни. Баллы, полученные по данной субшкале в результате нашего исследования, также незначительно выше, что свидетельствует о самостоятельности, некоторой степени зрелости испытуемых девятиклассников.

Шкала «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни». Высокие баллы, полученные по данной шкале, создают убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Низкие баллы означают фатализм, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю. Баллы по этой субшкале в экспериментальной группе довольно существенно завышены (среднее значение по Леонтьеву – 29,42), что характеризуется полный контроль над своей жизнью, своими убеждениями, мыслями, поступками и т. д. В контрольной группе баллы находятся в пределах оптимума.

В целом существенных различий в баллах у обеих групп на этапе констатирующего эксперимента мы не наблюдаем, что показывает примерно равнозначные подгруппы по смысловым ориентациям. Однако, в рамках формирующего эксперимента, мы ожидаем существенное повышение значений по всем

субшкалам, что и будет свидетельствовать об успешно проделанной работе по расширению смысловой сферы учащихся в экспериментальной группе.

Тест СЖО, очень информативен, однако он не дает четких представлений о мотивах учения школьников. Не совсем понятно, что в большей степени руководит мотивами учения школьников, в какой области мы можем работать с ними в большей степени, а в какой, возможно, нивелировать нежелательные стороны меркантильных мотивов, таких как получение хороших отметок, аттестата.

Мотивация ученика зависит не только от воздействующего внешнего агента, но и от системы его личностных ценностей. На этапе формирующего эксперимента мы также использовали методику «Изучение мотивов учебной деятельности», которая предполагает 16 основных мотивов, из которых испытуемый должен выбрать 5 наиболее значимых для своей мотивации.

Среди мотивов:

- 1) стать высококвалифицированным специалистом;
- 2) получить аттестат;
- 3) успешно продолжить обучение;
- 4) успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»;
- 5) постоянно получать стипендию;
- 6) приобрести глубокие и прочные знания;
- 7) быть постоянно готовым к очередным занятиям;
- 8) не запускать предметы учебного цикла;
- 9) не отставать от одноклассников;
- 10) обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности;
- 11) выполнить педагогические требования;
- 12) достичь уважения преподавателей;
- 13) быть примером одноклассникам;
- 14) добиться одобрения родителей и окружающих;
- 15) избежать осуждения и наказания за плохую учебу;
- 16) получить интеллектуальное удовлетворение.

Для анализа распределения мотивов определяется частота называния мотивов в числе наиболее значимых по всей обследуемой выборке. На основании полученных результатов определяем его место или ранг по всей совокупности выборки. Сопоставив распределение ведущих мотивов, обратимся к таб. 2:

Анализируя выбор мотивов учащимися, можно выделить некоторые сходства и различия. Ведущими мотивами учебной деятельности единогласно признаются «Стать высококвалифицированным специалистом», «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», что коррелирует с данными теста СЖО, где явно прослеживается по всем субшкалам определенность в целях своей будущей жизни.

Таблица 2

**Изучение мотивов учащихся
девятых классов**

Ранг мотива	Экс. группа	Контр. группа
I	1	1
II	10	10
III	6	2,16
IV	4	6
V	2,14,16	5,4,14
Неруководящие мотивы	9,11,13	7,8,11,13

Различия мотивов экспериментальной и контрольной групп начинаются с третьего ранга. Участники из экспериментальной группы на III и IV место помещают такие мотивы, как «Приобрести глубокие и прочные знания» и «Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»». Одновременно респонденты контрольной группы помещают на это место «Получить аттестат» и «Получить интеллектуальное удовлетворение». Появление стремления «получить аттестат» в контрольной группе оказывается оправдано тем, что в беседе с преподавателем выяснилось, что многие ученики после девятого класса планируют менять школу, т. к. многие не имеют интереса к углубленному изучению французского языка и склонности к гуманитарным наукам, чего не наблюдается в экспериментальной группе.

В пятый ранг одинаково у представителей обеих групп попадает мотив № 14 «Добиться одобрения родителей и окружающих», что свидетельствует, вероятно, о мощном контроле успеваемости со стороны родителей. Далее мотивы расходятся. В экспериментальной группе в пятый ранг попадают те мотивы, которые в контрольной группе попали в третий.

Среди тех мотивов, которые выбирались реже всего, либо не выбирались вовсе, необходимо отметить особую группу – это мотивы № 11 «Выполнить педагогические требования» и № 13 «Быть примером одноклассникам». Мотив, связанный с выполнением педагогических требований, ни одним из респондентов не выбирается. Причину этого мы можем предполагать следующую. Девятиклассники имеют средний возраст 14–15 лет – один из самых сложных периодов, условно называемый переходным. Именно в этот период возникает большинство внутренних конфликтов подростка, которые имеют своей целью самоутверждение, поиск смысла своей жизни и своего места в этом мире. Внутренний конфликт выливается в неподчинение родителям, учителям. Именно поэтому данный мотив не является руководящим и сколько-нибудь значимым для учащихся. Другая причина может крыться в непонимании самого смысла мотива – «Что есть педагогическое

требование? На каком этапе можно считать его реализованным?» – эти и другие вопросы, не позволили школьникам адекватно оценить данные мотивы. Аналогично обстоит дело с мотивом «Быть примером одноклассникам». Мотив имеет в настоящее время некую негативную окраску. Быть примером, вероятно, хочется каждому, но заявлять об этом отваживаются единицы. Мотив не выбирается, поскольку он практически не реализуется ни в экспериментальном, ни в контрольном классах.

В конце исследовательской работы мы предполагаем, что в экспериментальной и контрольной группе распределение мотивов по рангам останется на том же уровне, что и в начале исследования. Однако в экспериментальной группе ожидаем вытеснение мотива «Получить аттестат» в неруководящие позиции. Это связано с тем, что перспектива получения аттестата, в большинстве случаев, отодвигается на конец 11 класса. В контрольном классе по этим же причинам ожидаем смещение мотивов связанных с получением аттестата в более высокие ранги.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем утверждать, что используемая нами технология эффективна в рамках активизации познавательной активности учащихся, повышения общего уровня академической успеваемости, что было доказано ранее на примере первого этапа проделанной работы. Также можем предполагать, что используемая нами в работе технология позволяет расширять и углублять смысловую сферу учащихся, давая позитивные результаты на пути формирования внутренней картины окружающего мира у каждого школьника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе: Психолого-дидактический подход. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003.
2. Шаталов В.Ф. Эксперимент продолжается. – М.: Педагогика, 1989.
3. Шершнева Р.Ю. Возможность интеграции схемных и знаковых моделей в технологию компьютерного обучения в высшей школе // Инновационные процессы в высшей школе: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во ГОУ ВПО КубГТУ, 2010.
4. Шершнёв Р.Ю., Юшко Г.Н. Схемно-знаковые опорные единицы и их роль в активизации познавательной деятельности учащихся // Научный журнал «Челябинский гуманитарий». – 2010. – № 4 (13).

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Бутенко В.С.

В данной статье автором рассматривается проблема непрерывного образования в современном мире. Приводятся и анализируются различные подходы и концепции непрерывного, продолжаемого образования и образования в течение всей жизни. Автором отмечается, что ключевым звеном системы непрерывного образования является университет, как высшее учебное заведение, поэтому в статье уделяется особое внимание вопросам совершенствования образовательного процесса с участием взрослых.

Ключевые слова: непрерывное образование, образование взрослых, образовательный процесс, университет.

В современном стремительно меняющемся мире, в котором знания в отдельных отраслях устаиваются быстрее, чем человек успевает их прочно усвоить, к людям приходит понимание того, что познавательная активность важна на протяжении всей жизни каждого человека. В любом возрасте человеку необходимо иметь возможность углубить, дополнить, обновить свои знания, умения и навыки, развивать свои способности, расширять кругозор, повышать общую культуру, совершенствоваться в уже полученной специальности или получить новую.

Концепция непрерывного образования включает в себя не только учебу в собственно учебных заведениях, но и самообразование, самообразование, главным, чему должны научиться в высших учебных заведениях – это умение учиться, а именно находить, перерабатывать, усваивать и применять новую информацию. У высших учебных заведений исчезает необходимость в ограниченном и достаточно коротком промежутке времени снабдить человека всем запасом знаний и способов деятельности, который мог бы ему понадобиться в его дальнейшей жизни. В результате чего, происходит переосмысление содержания, методов и организационных форм обучения в высших учебных заведениях в соответствии с потребностями современности.

Еще в 1970 гг. XX в. бывший генеральный директор ЮНЕСКО Рене Майо подчеркивал, что проблема непрерывного образования стоит в центре процесса обновления всей системы образования и приводит к существенным изменениям последней. Концепция непрерывного образования объединяет в себе все виды образования и воспитания, которые

человек получает на протяжении всей своей жизни. Если рассматривать глобально всю протяженность системы образования, через элементы которой человек проходит в течение своего жизненного пути, то следствием распространения идея непрерывного образования явилось разделение всей системы образования на две части: первоначальное образование и последующее. Подобно разделение решает несколько задач: во-первых, упорядочить всю систему образования; во-вторых, обеспечить согласованность всех ее более или менее дифференцированных и автономных частей; в-третьих, предметно подойти к разработке и реализации содержания, форм и методов обучения, учитывая социально-психологические особенности, различия в мотивации и ценностно-смысловых установках людей разного возраста.

При этом, именно высшая школа выступает как системообразующий элемент, ядро всей системы непрерывного образования. Так как, с одной стороны, реализация концепции непрерывного образования осуществляется на базе высших учебных заведений и гражданин чаще всего обращается именно в высшую школу с целью повысить квалификацию, пройти профессиональную переподготовку, получить новую специальность или ученую степень.

Особенностью непрерывного образования является его цикличность. Обучение представляет собой ряд довольно самостоятельных периодов, в течение которых приобретаются конкретные знания, умения и навыки, необходимые для достижения того или иного уровня образования. То есть человек может находиться в системе непрерывного образования в течение всей своей жизни.

Термин «непрерывное образование» содержит в себе целый ряд других аспектов, помимо тех, которые включает англоязычный термин «Lifelong Education». Так, согласно определению, представленному в документах XIX Генеральной конференции ЮНЕСКО (Кения, 1976) по вопросу о деятельности организации в области непрерывного образования, непрерывное образование понимается как не ограниченное ни во времени (относительно сроков обучения), ни в пространстве (относительно места и методов обучения), объединяющее всю деятельность и ресурсы в области образования, направленное на гармоничное развитие потенциальных способностей личности и прогресс в образовании общества.

Международная организация «Совет Европы» (Council of Europe) применяет термин «постоянное образование» (permanent education), уделяя серьезное внимание при этом, наряду с образованием взрослых людей, начальным этапам образовательного процесса. Декларируется, что максимальной эффективности от инвестирования в образование можно достигнуть лишь при интеграции дошкольного и школьного обучения путем совершенствования уже имеющихся образовательных систем.

Главное состоит в предоставлении равных образовательных возможностей всем гражданам на протяжении всей их жизни. И получение человеком определенного образования не может служить препятствием для повышения его образовательного уровня в будущем. Для этого необходимо изменить образование в школе и вузе, а не просто дополнять его непрерывным образованием. Большое внимание уделяется непрерывному образованию (lifelong education) в рамках Болонского процесса.

Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development) пользуется термином «возобновляющееся образование» (recurrent education), т. к. он в большей степени отражает истинную сущность дискретности непрерывного образования, которое гражданин реализует по частям на протяжении всей своей жизни. Отчасти это означает некий отход от имеющейся практики длительного обучения в одном или нескольких учебных заведениях, прежде чем человек начнет трудовую деятельность. В материалах Конгресса США непрерывное образование определялось как «любая программа, проект, деятельность, услуга, которые предназначены для удовлетворения постоянно меняющихся на протяжении жизни потребностей граждан в образовании и включают в себя (но не ограничиваются ими) общее образование для взрослых, послесреднее образование, повышение квалификации, специ-

альные учебные заведения для групп и отдельных лиц со специфическими требованиями, а также программы для престарелых».

Кроме активности самих учащихся в плане самообразования, деятельности общих и специальных учебных заведений большой вклад в систему непрерывного образования вносят профессиональные сообщества, коммерческие и некоммерческие организации, предоставляющие услуги в первую очередь своим работникам, а также средства массовой информации.

Учебные центры организаций обеспечивают достаточно высокую эффективность обучения. Это связано в первую очередь с тем, что образовательные потребности сотрудников четко определены, а учебные программы рассчитаны на тех специалистов, у которых появилась действительная производственная необходимость в повышении квалификации. Преподавателей учебных центров организаций опирается в первую очередь на практический опыт, что делает обучение более интересным и привлекательным.

Многие отечественные высшие учебные заведения уже склоняются к мысли, что реализации идеи непрерывного образования или образования через всю жизнь требует более тесных связей образования с практикой и последними достижениями науки и техники, а также реализации принципов индивидуализации и дифференциации обучения. В этих высших учебных заведениях был перестроен учебный процесс на принципах ориентации на потребителя, были созданы центры непрерывного образования, предлагающие разные курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, ориентируясь на работающих студентов, учебный процесс был организован в вечернее время и выходные дни, начали реализовывать дистанционные образовательные программы.

По мнению Т.М. Ковалевой, гармонично организовать образовательное пространство высшего учебного заведения, реализующего концепцию непрерывного образования, возможно только при глубоком взаимодействии следующих принципов обучения: *непрерывность образования, вариативность, открытость, индивидуализация и дифференциализация образовательных программ, тьюторское сопровождение.*

В книге «Очерки по философии образования» П.Г. Щедровицкий выделяет три основные тенденции, каждая из которых в разных странах в определенное историческое время привела к оформлению концепции непрерывного образования:

- 1) подчинение образования производственным задачам;

- 2) подчинение образования задачам трансляции и воспроизводства культуры;
- 3) подчинение образования задачам свободного и независимого личностного развития.

Развитие непрерывного образования в определенной степени меняет роль преподавателя и студента. В данной системе студент еще дальше отдалается от позиции объекта обучения, становится истинным субъектом образовательного процесса. В данном случае перед преподавателем стоит задача воздействовать на обучающегося с целью повысить его самостоятельность при выборе содержания и форм обучения, сформировать у студента необходимые профессиональные компетенции, создать психологически безопасную образовательную среду, в которой обучающийся будет сознательно стремился к овладению новыми знаниями, к непрерывному повышению уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры.

Таким образом, реализация базовых принципов ЮНЕСКО «образование для всех» и «образование через всю жизнь» и принципа «образование на месте проживания» привели к созданию программ непрерывного образования на базе информационно-коммуникационных технологий.

Необходимо отметить, что если в России дистанционное образование развивается не более десяти лет, то европейские страны и США имеют более продолжительный опыт. Так, за рубежом учебные заведения «нового типа» появились еще в 1960-х гг., это стало возможным благодаря появлению электронной почты и Интернета. Самыми известными из них являются открытые университеты в Великобритании, «университеты без стен» в США. Кроме того, во многих странах мира есть зарекомендовавшие себя вузы преимущественно дистанционного обучения. В таких учебных заведениях обычно учатся взрослые, работающие люди без отрыва от производства. Дополнительную привлекательность обеспечивает отсутствие вступительных экзаменов, индивидуальная образовательная траектория, отсутствие фиксированных сроков обучения, например, в американских колледжах «без стен» срок обучения по таким программам может колебаться от одного года до десятка лет. Безусловно, столь продолжительное получение образования вряд ли приемлемо для менталитета российского гражданина. Однако идея участия обучающегося в разработке собственной учебной программы вполне соответствует требованиям времени и установкам многих потенциальных студентов.

Следует подчеркнуть, что согласно мнению многих отечественных и зарубежных специалистов, при всей интенсивности распространения Интернета

в ближайшем будущем можно говорить преимущественно о смешанном обучении (blended learning), которое позволит гармонично сочетать технологии очного и интернет-обучения.

Известный американский специалист в области он-лайн обучения В. Дрейвс сделал прогноз развития системы образования США, в соответствии с которым доли очного, интернет-обучения и смешанного обучения выглядят в следующих пропорциях: 0,2–0,2–0,6. Без сомнения, подобные прогнозы для России являются далекой перспективой, в тоже время само наличие возможности получить в России дистанционно образование, повысить квалификацию или пройти профессиональную переподготовку может сделать реальным для многих граждан совмещение работы и получения образования, а значит и реализации идеи непрерывного образования или образования в течение всей жизни.

В международном профессиональном сообществе, занимающемся проблемами образования, возник еще один термин, который дословно можно перевести как «обучение по всей ширине жизни» (life-span education). Данный подход смещает акцент с временной оси на пространственную, которая в тоже время включает в себе все формы обучения на протяжении всей жизни человека. Таким образом, обучение возможно реализовывать на каждом этапе жизни, применяя по выбору весь диапазон имеющихся формы получения образования в разных образовательных учреждениях. Такая модель непрерывного образования призвана выполнять ряд функций:

- *прагматическую, включающую* прикладные профессиональные знания, умения и навыки;
- *опережающего образования*, основанного на предвосхищении социальных изменений и научно-технического прогресса;
- *адаптационную*, признающую образование фактором, способствующим успешной социализации и адекватному реагированию на постоянно изменяющиеся условия жизнедеятельности;
- *просветительскую*, признающую самоценность знаний, а также направленную на повышения общего уровня культуры;
- *человекоцентрическую* (духовную), ориентирующую на постоянное обогащение творческого потенциала личности и его реализацию.

Непрерывное образование способно обеспечить каждому его участнику постоянное межличностное общение с изменяющимся кругом лучших специалистов и профессионалов в целях постоянного совершенствования профессиональных знаний и качеств. Благодаря непрерывному образованию, до конца своей профессиональной

жизни, человек в профессиональном, культурном и духовном аспектах способен жить на самом современном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко Г.П. Непрерывное образование – веление времени. – М, 1988.
2. Калинин Е.В. Высшая школа в системе непрерывного образования: научно-теоретическое пособие. – М., 1990.
3. Ситдикова Л.М. Внутрифирменное непрерывное образование и участие университетов в нем // Развитие стратегического подхода к управлению в российских университетах. – Казань, 2001. – С. 317–321.
4. Шленов Ю., Мосичева И., Шестак В. Непрерывное образование в России // Высшее образование в России. – 2005. – № 3. – С. 36–49.
5. Киселев Г.С. «По образу и подобию»... // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 18.
6. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания: учебник. – М.: Гардарики, 2005. – 327 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУПРУГОВ «ДВУХКАРЬЕРНОГО» БРАКА

**Тащёва А.И.,
Киреева Л.Е.**

В статье рассматриваются личностные особенности, влияющие на карьерный рост человека. Показано, что супруги, для которых карьера является приоритетной жизненной ценностью, имеют ряд общих особенностей: интеллектуальная подвижность, независимость, эмоциональная устойчивость, практичность, неконформизм.

Ключевые слова: личностные особенности, брак, карьера, «двухкарьерный» брак, «не карьерный» брак.

Психологи констатируют, что личностные особенности могут выступать детерминантами различных психологических феноменов, в том числе они могут предопределять ориентацию человека на карьеру [3, 10, 12] и взаимоотношения между супругами, в частности – своеобразие конфликтов [14, 18].

Под личностными особенностями психологи понимают индивидуальную выраженность устойчивых и обобщённых свойств человека как личности, проявляющуюся в деятельности, общении, в отношении к самой себе. Эти особенности социальны по происхождению, формируются вследствие интеграции различных связей и отношений личности и обеспечивают единство поведения человека в различных связях и отношениях [10].

Рассмотрим личностные особенности периода зрелости, что обусловлено объектом нашего исследования. За рабочую периодизацию примем возрастные границы от 25 до 40 лет, соответствующие этапу средней взрослости, выделенному Д.Б. Бромлей [1]. В целом этот период характеризуется овладением различными ролями, накоплением социальных связей, лидерством в всевозможных видах деятельности, дифференцированностью интересов, сформированной системой ценностей, самооценкой и Я-концепцией [9].

По Г. Крайгу и Д. Бокуму Ш. Бюллер, А. Адлер, Д. Левинсон, основными задачами данного возраста считают начало семейной жизни и построение карьеры [8]. Д. Левинсон отмечает, что для достижения истинной взрослости необходимо решить следующие задачи развития: сформулировать мечту, найти наставника, начать строить карьеру, установить близкие отношения. Существенное различие между полами состоит в том, как они определяют

свою мечту. Мужчины склонны к единому видению своего будущего, сконцентрированного на карьере, основная часть женщин уделяет большое внимание созданию семьи, также для них характерно совмещение карьеры и брака.

В последние десятилетия в России в качестве очевидной тенденции фиксируется появление «двухкарьерных» браков, в которых для обоих супругов карьера является главной или одной из главных жизненных ценностей [7, 16]. По сути, интерес к этой форме брака связан с типичным своеобразием поведения женщины, которое состоит в её преимущественной ценностной ориентации не на семью, супруга и детей, а на карьеру [16].

Исследователи связывают высокий уровень ориентации на карьеру с личностными качествами [4, 6, 10, 11, 17]. О.О. Богатырёва отмечает, что в целом для людей, ориентированных на карьеру, характерен неконформизм, направленность на результат и самоэффективность в деятельности [4].

К главным личностным качествам женщин, обладающих высокой мотивацией к карьере, относят следующие: самоэффективность в сфере деятельности и общения, самооценку, интернальный локус контроля, эмоциональную стабильность, доброжелательность, экстраверсию, высокий уровень андрогинии (преобладание маскулинных качеств: целеустремленность, настойчивость, уверенность в себе, жесткость, агрессивность, деловая направленность) [6, 10, 11, 17]. Женщины с высоким уровнем самоэффективности более настойчивы, менее тревожны и не склонны к депрессии, обладают большими способностями к обучению и самообучению. У этих женщин высокий уровень самоэффективности, связанный с ожиданием успеха обычно ведет к хо-

рошему результату и, следовательно, способствует росту самоуважения. Самооценка же определяет взаимоотношения с окружающими, уровень критичности и требовательности к себе, отношение к успехам или неудачам [11].

Психологи описывают своеобразие карьеры предпринимателей в связи с характерными личностными особенностями последних: инициативность, предприимчивость, практичность, самостоятельность, ответственность, смелость, решительность, интеллектуальность [10]. Описываются различия в личностных особенностях женщин и мужчин предпринимателей [19]. Для мужчин характерна ориентация на качества, в становлении которых есть их собственные усилия, для женщин – природная мягкость и умение поддерживать контакты с людьми.

Е.В. Титова отмечает, что карьерный рост может выступать в качестве и положительного, и отрицательного фактора, обуславливающего систему личных отношений супругов [17]. Так, исследователи констатируют, что партнеры «двухкарьерного» брака испытывают большое количество психологических трудностей, которые могут провоцировать конфликты и вести к разводу [7, 16].

А.И. Ташёва статистически достоверно описала личностные особенности супругов из стабильных и нестабильных пар. Первые характеризуются общительностью, интеллектуальной подвижностью, прямолинейностью, конформизмом; вторым свойственны эмоциональная неустойчивость, интровертированность, напряженность и практичность [14].

Нам не удалось обнаружить диссертационных работ, абсолютно релевантных теме данной статьи. Вместе с тем, есть немногочисленные исследования, в которых личностные особенности партнеров «двухкарьерного» брака упоминаются вскользь и, в частности, применительно к конфликтному и ролевому поведению партнеров по браку [10, 17].

Нами проведено эмпирическое исследование личностных особенностей супругов, состоящих в «двухкарьерном» браке. Было опрошено 40 реальных супружеских пар в возрасте от 25 до 40 лет, разных профессий, жителей г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, со стажем брака от 5 до 15 лет. Форма брака стала критерием разделения выборки на две группы: основную (20 пар, состоящих в «двухкарьерном» браке) и контрольную (20 «не карьерных» пар – супруги, главной жизненной ценностью которых является не карьера).

Методический инструментарий составили методики, позволяющие исследовать личностные особенности супругов: опросник Р. Кеттелла (16PF) [15], опросник А.И. Ташёвой «Атрибутивное сопровождение брака» [13], опросник ценностных ориентаций М. Рокича [20].

Среднегрупповых показатели полученных результатов, позволяют констатировать, что респонденты «не карьерного» и «двухкарьерного» браков различаются по уровню выраженности следующих факторов опросника Р. Кеттелла (16PF): F – «сдержанность-экспрессивность», G – «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения», Q – «уверенность в себе – тревожность», Q1 – «консерватизм – радикализм», Q2 – «конформизм – неконформизм».

Таким образом, можно предположить, что у респондентов, состоящих в «не карьерном» браке, проявляется эмоциональная значимость социальных контактов, экспрессивность, восприимчивость к переменам, зависимость от мнения и требований группы, низкая мотивация.

При этом мужчинам свойственны низкая толерантность по отношению к фрустрации, склонность к лабильности настроения, раздражительности, непостоянству, влиянию на них случая и обстоятельств. Женщины же характеризуются неуверенностью в себе, беспокойством о будущем, ориентированностью на конкретную реальную деятельность, стремлением отстаивать собственное мнение.

Респонденты, состоящие в «двухкарьерном» браке, настойчивы в достижении цели, самоуверенны, практичны, самостоятельны, предрасположены к проявлению чувства тревожности и повышенной мотивации.

Мужчины характеризуются рассудительностью, уверенностью в себе, склонностью к самоанализу; они имеют твердый характер, любят и могут брать на себя ответственность. Женщины проявляют большую склонность к независимости и ориентации на собственные решения.

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что супруги «не карьерного» и «двухкарьерного» браков статистически достоверно отличаются именно по следующим факторам опросника Р. Кеттелла: V⁺ (интеллектуальная подвижность), S⁺ (эмоциональная устойчивость), G⁺ (нормативность поведения), I (жесткость), Q2⁺ (неконформизм), Q4⁺ (независимость) (см. таб. 1).

Взаимодействие факторов пола и форма брака оказывает влияние на изменение переменных «сдержанность-экспрессивность» (F = 5,77 при p = 0,001) и «практичность-мечтательность» (F = 2,73 при p = 0,04) в «не карьерном» и «двухкарьерном» браках, у мужчин при этом показатель «сдержанность-экспрессивность» находится практически на одном уровне, что и у женщин. Однако у мужчин в «не карьерном» браке этот показатель выше, чем в «двухкарьерном» браке, а у женщин, наоборот, в «не карьерном» браке показатель «сдержанность-экспрессивность» ниже, а в «двухкарьерном» браке – выше. В «не карьерном» браке

у мужчин показатель «практичность–мечтательность» находится несколько выше, чем у женщин, а также он выше у мужчин в «не карьерном» браке по сравнению с «двухкарьерным» браком; в тоже время у женщин, наоборот, в «не карьерном» браке показатель «практичность–мечтательность» ниже, а в «двухкарьерном» браке – выше. В исследовании А.И. Тащёвой выявлено, что излишняя «практичность» присуща обоим супругам из нестабильных пар [14].

Таблица 1

Результаты однофакторного дисперсионного анализа при сравнении факторов теста Р. Кеттелла у респондентов «не карьерного» и «двухкарьерного» брака

Факторы	F	p
A	0,74	0,3927
B	5,01*	0,0280
C	5,82*	0,0182
E	3,93	0,0510
F	1,81	0,1823
G	20,96*	0,00001
H	0,70	0,4042
I	7,20*	0,0089
L	0,52	0,4721
M	0,50	0,4823
N	1,40	0,2396
O	0,51	0,4768
Q1	3,58	0,0623
Q2	13,04*	0,0005
Q3	1,72	0,1937
Q4	5,70*	0,0194

Условные обозначения: F – критерий Фишера;
p – уровень статистической значимости;
* – значимые F-критерии.

С помощью опросника М. Рокича было обнаружено, что наиболее предпочтительными ценностями-целями у респондентов «не карьерного» брака были ценности здоровья и личной жизни («здоровье» выбрали 38 % респондентов и «счастливую семейную жизнь» – 28 %); у респондентов, состоящих в «двухкарьерном» браке, доминирующими ценностями-целями оказались «здоровье» (23 %) и «материально обеспеченная жизнь» (18 %).

Выявлено также значимое различие между супругами «не карьерного» и «двухкарьерного» браков по предпочтению ценностей «материально обеспеченная жизнь» ($U = 570,5; Z = 2,16$ при $p = 0,04$), «общественное признание», «активная деятельная жизнь» ($U = 557; Z = 2,34$ при $p = 0,02$), «продуктивная жизнь» ($U = 473; Z = 3,15$ при $p = 0,002$), «свобода» ($U = 565; Z = -2,26$ при $p = 0,02$) и «счастливая семейная жизнь» ($U = 442,5; Z = -3,44$ при $p = 0,0006$). Данные нашего исследования согласуются с результатами

исследования В.А. Ядова. Полученные нами ведущие ценностные ориентации супругов, автор объединяет в группу «гармоническая направленность», к тому же они имеют прямую связь с личностными особенностями «жесткость» и «практичность», характерными для супругов «двухкарьерного» брака [2].

Таким образом, для респондентов, состоящих в «не карьерном» браке, ценности свободы и счастливой семейной жизни являются более приоритетными. У респондентов же, состоящих в «двухкарьерном» браке более приоритетным рангом отмечены ценности «общественного признания», «активной деятельной жизни» и «продуктивной жизни», «материальной обеспеченности», что, на наш взгляд, объясняется спецификой данной формы брака.

Выявлены нами и гендерные различия в группе респондентов, состоящих в «двухкарьерном» браке. Так, у мужчин более приоритетным рангом, по сравнению с женщинами отмечены следующие ценности: «материально обеспеченная жизнь» ($U = 121,5; Z = -2,13$ при $p = 0,03$), «общественное признание» ($U = 76; Z = -2,35$ при $p = 0,0008$), «свобода» ($U = 127; Z = -1,97$ при $p = 0,04$) и «счастье других» ($U = 126; Z = -2$ при $p = 0,04$). У женщин же по сравнению с мужчинами, более приоритетным рангом отмечены ценности «красота природы и искусства» ($U = 75; Z = 3,38$ при $p = 0,0007$) и «счастливая семейная жизнь» ($U = 87; Z = 3,1$ при $p = 0,002$). Указанные данные совпадают с результатами предшествующих исследований. Например, А.И. Тащёва отмечает, что для женщин, реализующих карьеру, немаловажной является и сфера семьи. С.Т. Джанерьян указывает на то, что рассогласованность между ценностным выбором и реализацией ролей в поведении приводит к высокому ролевому конфликту женщин [5, 16].

Что касается инструментальных ценностей, то здесь респонденты, состоящие в «не карьерном» браке чаще всего выбирали в качестве доминирующей ценности – «честность» (выбрали 25 % респондентов), а состоящие в «двухкарьерном» браке выбрали «рационализм» (23 %) и «образованность» (18 %).

Также были найдены достоверные различия в «не карьерном» и «двухкарьерном» браках по предпочтению инструментальных ценностей «высокие запросы» ($U = 448,5; Z = 3,38$ при $p = 0,0007$), «непримиримость к недостаткам в себе и других» ($U = 557; Z = 2,34$ при $p = 0,02$), «рационализм» ($U = 542; Z = 2,48$ при $p = 0,01$), «честность» ($U = 492; Z = -2,96$ при $p = 0,003$) и «эффективность в делах» ($U = 566; Z = 2,25$ при $p = 0,02$).

Таким образом, у респондентов, состоящих в «не карьерном» браке инструментальная ценность, такая как «честность» является более приоритетной, а у респондентов, состоящих в «двухкарьерном» браке отмечены

приоритетным рангом ценности: «высокие запросы», «непримиримость к недостаткам в себе и других», «рационализм» и «эффективность в делах».

Опросник «АСО» А.И. Тащёвой показал, что общее количество слов при описании себя как личности больше у респондентов, состоящих в «двухкарьерном» браке ($12,5 \pm 8,3$), по сравнению с респондентами «не карьерного» брака ($10,9 \pm 7,7$); а количество характеристик у супругов «не карьерного» браке больше ($7,4 \pm 4,2$), чем в «двухкарьерном» браке ($6,2 \pm 3,3$).

При описании себя как личности с точки зрения эмоционально-оценочных характеристик у респондентов «не карьерного» и «двухкарьерного» браков вне зависимости от пола супругов наблюдается большее количество позитивных характеристик.

При рассмотрении содержательных характеристик выявлено, что у респондентов «не карьерного» и «двухкарьерного» брака наблюдается больший процент социально-психологических и физических характеристик. Обнаружено, что у супругов, состоящих в «не карьерном» браке, количество социально-психологических характеристик при описании себя достоверно больше по сравнению с таковыми у супругов «двухкарьерного» брака ($U = 510,5$; $Z = 2,79$ при $p = 0,005$). Этот показатель также достоверно выше у женщин, состоящих в «не карьерном» браке ($U = 96,5$; $Z = 2,8$ при $p = 0,005$), чем в «двухкарьерном» браке.

При описании супруга как личности было выявлено, что общее количество слов больше у респондентов, состоящих в «двухкарьерном» браке ($10,8 \pm 8,1$), чем у респондентов, состоящих в «не карьерном» браке ($9,9 \pm 6,5$); а количество характеристик больше у респондентов «не карьерного» брака ($7,1 \pm 3,3$), чем в «двухкарьерном» браке ($5,4 \pm 2,8$). Причем разница по количеству характеристик статистически достоверна ($U = 544,5$; $Z = 2,46$ при $p = 0,01$), что свидетельствует о большем знании партнерами «двухкарьерного» брака друг друга [13].

При описании супруга как личности с точки зрения эмоционально-оценочных характеристик у респондентов «не карьерного» и «двухкарьерного» брака вне зависимости от их пола наблюдается большее количество позитивных характеристик. Однако было выявлено, что у респондентов «не карьерного» брака этот показатель выше, чем «двухкарьерного» ($U = 499$; $Z = 2,9$ при $p = 0,004$); а также выявлено, что у женщин, состоящих в «не карьерном» браке этот показатель выше, чем у женщин в «двухкарьерном» браке ($U = 92,5$; $Z = 2,9$ при $p = 0,004$).

Проведенное эмпирическое исследование позволяет заключить, что супруги «не карьерного» и «двухкарьерного» браков имеют отличительные личностные особенности, различные ценностные

ориентации, а также характеризуются своеобразием восприятия себя и супруга как личности.

Приведенные выше результаты могут быть использованы для прогноза динамики супружеских отношений, а в случае необходимости для организации супругам «двухкарьерного» брака эффективной профессиональной психологической помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Избр. психол. труды: в 2 т. / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – 232 с.
2. Андреева Т.В. Психология современной семьи: монография. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.
3. Афанасенко И.В. Я-концепция как детерминанта карьерной стратегии у представителей технических профессий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 23 с.
4. Богатырева О.О. Психологические предпосылки карьерного роста // Вопросы психологии. – 2008. – № 3. – С. 92–98.
5. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный подход: дис. ... докт. психол. наук. – Ростов н/Д., 2005. – 442 с.
6. Жорникова Е.Н. Личностные факторы профессиональной карьеры женщин в налоговой системе: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2003. – 173 с.
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
8. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2006. – 960 с.
9. Пиняева С.Е., Андреев Н.В. Личностное и профессиональное развитие в период зрелости // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 3–10.
10. Рудакова С.В. Личностные детерминанты карьерных планов предпринимателей: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д., 2003. – 232 с.
11. Руденко А.М., Ситдикова С.Н. Психология карьеры для женщин: монография. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – 105 с.
12. Сафонова М.В. Социально-психологические особенности женщин, успешных в карьере: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1999. – 233 с.
13. Тащёва А.И. «АСО» – тест для исследования межличностного восприятия // Актуальные проблемы психодиагностики. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРГИ, 2001. – С. 252–277.
14. Тащёва А.И. Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1987. – 170 с.
15. Тащёва А.И. Методические рекомендации к спецкурсу: «Психологические проблемы семьи». Часть 1. Методика Р. Кеттелла (16 PF). – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2003. – 27 с.

16. Тащёва А.И. Особенности семей, в которых оба партнера избыточно озабочены карьерой и психологическая помощь этим семьям // Психологический вестник РГУ. – 1998. – Выпуск 3. – С. 116–122.
17. Титова Е.В. Влияние карьерной успешности супругов на отношения в семье: дис.... канд. психол. наук. – Ставрополь, 2001. – 155 с.
18. Фрондзей С.Н. Личностные детерминанты конфликтов в неофициальном молодежном браке: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 19 с.
19. Чирикова А.Е. Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 1. – С. 62–74.
20. Rokeach M. Long-range consequences of experimental induction // Psychological Review. – 1970. – Vol. 77. – № 4. – P. 11–26.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА
ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЬСТВА****Тащёва А.И.,
Нагоева Р.А.**

В данной статье описаны психологические особенности феномена замещающего родительства: факторы, влияющие на формирование родительства; мотивы формирования принимающего родительства; типы семей и замещающих семей, в частности. Статья может заинтересовать психологов, социальных педагогов, педагогов и потенциальных замещающих родителей.

Ключевые слова: семья, родительство, семейные ценности, родительское отношение, родительские чувства, мотивы принятия ребенка-сироты в некровнородственную семью.

В наши дни проблема родительства особенно актуальна в связи со значительным ростом детей-сирот в России и в мире в целом, с неоднозначностью трактовки этого феномена в психолого-педагогической литературе [10]. Как отмечает Р.В. Овчарова, вопрос о природе родительских чувств и отношений с точки зрения обычного сознания выглядит просто и очевидно: родители, во всяком случае мать, – главные и естественные воспитатели ребенка; их поведение определяется потребностью в продолжении рода, а отсутствие или неразвитость родительских чувств или навыков рассматриваются как нарушение универсальной биологической и социально-нравственной нормы [1]. Однако при всей значимости этого института родительство, и, тем более, замещающее родительство, воспитание детей-сирот, принятых в некровнородственную семью как психологический феномен исследованы недостаточно [8].

Рассматривая особенности родительства, психологи отмечают его тесную связь с семейной системой. По мнению Р.В. Овчаровой, семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми [9]. Семья понимается учеными как малая группа, члены которой связаны между собой кровнородственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью [6, 13]. Форм устройства семьи бесконечное множество [14]. Теме данной статьи соответствует классификация по критерию своеобразия родительско-детских отношений, условно разделяющего семьи на традиционные, детоцентричные и супружеские [7].

В традиционной семье воспитывается уважение к авторитету старших; родительское воздействие

осуществляется сверху вниз. Итогом социализации ребенка в такой семье является способность легко вписаться в общественную структуру; дети в ней могут вырасти инфантильными, конформными.

В детоцентричной семье главной задачей родителей считается обеспечение благополучного будущего детей. Воздействие осуществляется, как правило, снизу вверх, в итоге у детей формируется ощущение собственной значимости. Может сформироваться неадекватно высокая самооценка, эгоцентризм, затрудняющий социализацию.

Главная цель супружеской семьи – взаимное доверие, принятие и автономность членов семьи. Родители и дети в ней занимают равные позиции. Дети часто испытывают трудности в подчинении социальным требованиям [7, 11].

С психологической точки зрения, родительство рассматривается как часть личности отца и матери, как подсистема в системе семьи, на формирование которой влияют социум, родительская семья, индивидуальные особенности родителей [1, 4, 9]. Считается, что родительство как феномен развивается в человеке с самого рождения, в момент запечатления образа собственных родителей и идентификации себя с ними [9, 10, 16]. По мнению Р.В. Овчаровой, родительство как интегральное образование личности включает ценностные ориентации супругов (семейные ценности), родительские установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительская ответственность, стиль семейного воспитания [9]. Родительство как феномен формируется в результате осознания и переживания семейных ценностей и путем передачи ценностей от поколения к поколению. В свою очередь, семейные ценности, родительские

установки и ожидания являются основополагающими в направленности личности родителя и направленности его поведения.

Родительские чувства – группа чувств, занимающие важное место в жизни человека среди других эмоциональных связей. Одно из значимых чувств – это родительская любовь, являющаяся гарантией эмоционального благополучия человека, поддержания его физического и психического здоровья [14].

Родительское отношение – относительно устойчивое явление, содержание которого включает амбивалентные элементы эмоционально-ценностного отношения, может изменяться в определенных пределах [2].

Родительство обычно включает обоих супругов и предполагает осознание духовного единства с брачным партнером по отношению к своим или приемным детям. Одновременно родительство является неустойчивой структурой, что проявляется в несогласованности некоторых компонентов (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) между родителями, периодическом возникновении конфликтных ситуаций и в большей подвижности семейной структуры [10]. Центр семьи в наше время сместился с родительско-детских отношений в сторону супружеских. Становление родительства как свойства супружеской пары характеризуется согласованием представлений мужчины и женщины относительно роли родителей и родительства в целом [2]. Родительство – высшая фаза индивидуального развития матери и отца, которая неизбежно влечет за собой определенные изменения в идентичности и внутренней жизни, перераспределение ролей и изменения в супружеских отношениях, новые родительские отношения, а также изменения ролей за пределами семьи [8]. Родительская семья является первичной социальной средой индивида, где он получает первый социальный опыт, в частности, относительно реализации родительской модели поведения. Большинство исследователей сходятся в том, что супружеская семейная система во многом копирует родительскую семейную систему [9, 10].

На формирование родительства оказывают влияние несколько факторов: направленность и индивидуальные особенности личности; согласование моделей родительства обоих супругов; конкретные условия жизни супружеской семьи [8]. По мнению многих авторов, существует семейная и индивидуальная потребность в детях [11, 12]. Под индивидуальной потребностью понимается степень любви к детям, свойственная субъекту; а семейной – потребность, определяемая силой мотивации к деторождению или приему ребенка у обоих супругов. Наличие потребности в детях может быть обусловлено конкретными социальными, экономическими, психологическими

условиями жизни семьи. Эти условия отражаются в сознании и «социальной психике» партнеров в соответствии с личностными особенностями каждого человека и детерминируют его репродуктивную мотивацию и мотивацию принятия ребенка в семью [1].

Родительство представлено на субъективно-личностном уровне и на надындивидуальном уровне, которые одновременно являются этапами формирования родительства [5].

Как показывают исследования психологов, потребность в принятии детей-сирот, а также эффективность их воспитания в значительной степени может быть вызвана несколькими мотивами [7].

1. Мотив, удовлетворяющий потребность в продолжении рода, при котором причины усыновления связаны с бесплодием супругов, на протяжении ряда лет безуспешно пытающихся с помощью лечения решить эту проблему. Усыновление ребенка воспринимается бездетными супругами как единственный способ создания полноценной семьи. Обычно инициатором усыновления выступает женщина в силу выраженной «спонтанной тяги» к материнству. Факторами риска в воспитании ребенка в этом случае являются разногласия супругов в желании усыновить ребенка, во взглядах на воспитание, страх «дурной наследственности», предвзятое восприятие индивидуально-психологических особенностей приемного ребенка.
2. Мотив «смысла жизни», когда приемный ребенок придает осмысленность существованию родителя, позволяет ему определить жизненные цели и задачи.
3. Мотив преодоления одиночества – ребенок рассматривается как значимый партнер, с которым можно установить отношения близости и доверия, источник положительных эмоциональных переживаний, опора в старости. Подобная мотивация превалирует у одиноких людей, по разным причинам не сумевших создать или сохранить семью. У ребенка могут возникнуть трудности в поло-ролевой идентификации, в создании собственной семьи [11]. Факторами риска в этом случае являются чрезмерность и неадекватность ожиданий в отношении личностных качеств ребенка (чуткости, доброты, заботливости и т. д.), возраст усыновителей (предпенсионный и пенсионный), не позволяющий полностью реализовать воспитательную функцию в период высокой профессиональной и социальной активности усыновителя.
4. Альтруистическая мотивация, стремление защитить ребенка, оказать ему помощь и содействовать в создании благоприятных условий развития, «вырвать» ребенка из «ужаса» детского дома. Этот

вид мотивации особенно продуктивен, т. к. в данном случае приемный родитель фокусом своих усилий делает благополучие и интересы ребенка, а не удовлетворение собственных интересов и потребностей. Опасность такого вида мотивации кроется в стремлении родителя из самых благих намерений построить асимметричные отношения, в которых ребенку неосознанно навязывается роль «потребителя» тех условий, которые создает для него родитель-благодетель [13, 15].

5. Мотив компенсации утраты собственного ребенка. Родители, пережившие смерть своего ребенка, стремятся как можно скорее восполнить жизненную пустоту и смысловой вакуум усыновлением [16]. Такая мотивация может стать причиной трудностей родительско-детских отношений и даже отвержения приемного ребенка. Идеализация прошлого и постоянное сравнение родителем собственного и усыновленного ребенка, осуществляемое на осознанном и неосознанном уровнях, часто ведут к разочарованию, дистанцированию, отчужденности и даже отказу от усыновления.
6. Мотив стабилизации супружеских отношений. В этом случае, как и в предшествующем, ребенок выступает, в первую очередь, как средство налаживания «давших трещину» супружеских отношений [9]. Здесь воспитание приемного ребенка со своими проблемами и трудностями развития может стать становится еще одним поводом для конфликтов и охлаждения, чем для сплочения супругов. Но при определенных условиях возможен и вариант объединения супругов для реализации общей цели воспитания.
7. Прагматический мотив улучшения материального и жилищного положения супругов [11].

Учет мотивации усыновления позволяет прогнозировать успешность родительской роли взрослого и взаимной адаптации родителей и детей, в случае необходимости корректировать психологическую готовность супругов к усыновлению и детско-родительское взаимодействие [7, 9, 13]. О.Г. Япарова выявила различия между успешными и неуспешными приемными родителями, вытекающие из феномена общности приемной семьи как малой группы и формирования родительства в течение всей жизни человека, которые выражаются в том, что люди, имеющие опыт воспитания родных детей и вырастившие их, эффективнее воспитывают проблемных приемных детей.

Прежде как неуспешных рассматривали родителей, отказавшихся от приемных детей в течение двух лет с момента их приема в семью [3, 10, 14].

Успешными же родителями считались те, кто и после двух лет пребывания ребенка в семье рассматривали трудности взаимной адаптации как временные

и считали ребенка полноправным членом семьи, а ребенок стремился остаться в семье [9, 13, 16].

Детерминантами успешного родительства, по мнению В.Н. Ослон, являются собственный опыт воспитания родных детей и прием новых детей в семью, когда собственные дети выросли [16]. При этом успешные приемные родители отличаются от неуспешных личностными характеристиками, которые способствуют эффективным взаимосвязям и взаимоотношениям в приемной семье как малой группе: открытостью, гибкостью установок, терпимостью, откровенностью, потребностью в принадлежности к группе, самоконтролем, спокойным отношением к неудачам, предшествующим опытом воспитания родных детей, лидерскими качествами и отношением к родительству как механизму самореализации. Таким родителям свойственны эмоциональная стабильность и сниженная агрессивность. Успешное родительство предполагает отношение к собственному родительству как механизму самореализации [9, 16].

Однако эти работы были ориентированы, прежде всего, на адаптацию детей.

Замещающее родительство требует новых ролей и обязанностей со стороны обоих родителей. Г. Крайг отмечает, что с появлением ребенка в семье возрастает психологическая нагрузка родителей, связанная с нарушениями сна, изменением семейного уклада [8]. Появление нового члена семьи может ослабить связи, общение между супругами, сконцентрировать все внимание на ребенке [8]. Таким образом, принимающее родительство – социально-психологический феномен, который не может быть проанализирован вне индивидуально-личностного и социального аспектов.

Проблемы принимающих семей объясняются особенностью социума, в котором формируется семья; специфическими особенностями детей, принимаемых в семью после проживания в детском доме, и, наконец, характером самого родительства в данной семье [2, 6, 7].

Авторы в полной мере принимают представление психологов о том, что эффективность успешного родительства обеспечивается зрелым родительством (то есть наличием опыта воспитания собственных детей до взрослого состояния), комплексом личностных черт замещающих родителей, стратегиями совладающего поведения, навыками их социально-психологической адаптации, а также особенностью восприятия себя и других.

Анализ литературы позволил вычленил следующие социально-психологические характеристики, которыми должны обладать потенциальные замещающие родители: активная жизненная позиция, позитивная самооценка, высокий уровень само-

контроля; наличие в системе жизненных ценностей смысла иметь детей со всеми вытекающими отсюда обязанностями; ответственность и терпимость в отношениях; ориентация на семейные интересы; установление эмоционального контакта с приемным ребенком; умение создать ролевое и психологическое пространство для приемного ребенка в семейной системе [11, 13, 15].

Родительство как феномен включает процессы становления и развития личности и играет огромную роль в воспитании детей и развитии родительно-детских отношений. Именно поэтому одним из наиболее важных критериев отбора кандидатов в замещающие родители являются личностные качества такие как: открытость, эмоциональность, эмпатийность, коммуникабельность и родительские установки, предполагающие близость и адекватность требований [8, 9]. На формирование родительства влияет общественный строй, который задает для личности, в том числе и определенные образцы родительства.

Мы полагаем необходимым исследовать в большей мере психологические аспекты явления родительства, в частности, изучить закономерности и механизмы психологического содержания сложного феномена социально-психологической взаимной адаптации замещающих родителей и принимаемых в семью детей-сирот, личностные детерминанты этой адаптации. Объектом такого исследования, на наш взгляд, должны стать реальные замещающие родители, кровнородственные и принимаемые дети, воспитываемые данными людьми. Сравнительный анализ взаимной адаптации родителей и детей в этих семьях позволит выявить те личностные особенности взрослых, которые детерминируют успешное и неуспешное выполнение родителями принятых на себя обязанностей по воспитанию сирот.

Данная статья может представлять интерес для психологов, социальных педагогов и педагогов в предупреждении и решении ряда проблем родительно-детских отношений, может быть полезна при разработке программ психологического сопровождения родительства для обеспечения оптимальных социально-психологических условий развития родительских чувств и родительской ответственности, формирования гибких родительских позиций и родительского отношения, становления родителей полноценными субъектами семейного воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И. Особенности эволюции демографических процессов, социально-нормативной регуляции репродуктивного поведения и планирования семьи // *Материалы Всесоюз. научно-практич. конференции «Планирование семьи и национальные традиции»*. – М., 1988. – С. 15.
2. Бодалев А.А. *Семья в психологической консультации: монография*. – М., 1989. – 208 с.
3. Бобылева И.А. *Социальная адаптация выпускников интернатных учреждений: учеб. пособие*. – М.: Нац. фонд защиты детей от жестокого обращения, 2007. – 176 с.
4. Большакова Л.Н. *Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приемной семье: автореф. дис. ... канд. психол. наук*. – Ярославль, 2004. – 26 с.
5. Варга А.Я. *Структура и типы родительского отношения: дис.... канд. психол. наук*. – М., 1986. – 206 с.
6. Захарова Ж.А. *Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приемного ребенка в замещающей семье: автореф. дис.... канд. психол. наук*. – Кострома, 2009. – 18 с.
7. Карабанова О.А. *Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие*. – М.: Гардарики, 2004. – 320 с.
8. Крайг Г. *Психология развития*. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
9. Овчарова Р.В. *Родительство как психологический феномен: учебное пособие*. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
10. Ослон В.Н. *Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья: монография*. – М: Генезис, 2006. – 366 с.
11. Печникова Л.С., Жукова Е.Б. *Приемные семьи в пространстве детско-родительских отношений*. – М.: Изд-во МГУ, 2008.
12. Спиваковская А.С. *Психологическая помощь семьям, взявшим на воспитание детей из государственных учреждений: хрестоматия*. – М.: Просвещение, 1991. – 171 с.
13. Ташева А.И. *Психология семейных отношений: учеб. пособие*. – Ростов-на-Дону: УПЛ ЮФУ, 2000. – 50 с.
14. Шпакова В.В. *Социально-психологические характеристики приемных родителей, взявших на воспитание детей, оставшихся без попечения // Психология и педагогика*. – 2008. – № 6.
15. Хеллингс Б. *Порядок любви. Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий*. – М.: Институт Психотерапии, 2003. – 400 с.
16. Япарова О.Г., Николаева Е.И. *Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии*. – 2007. – № 6. – С. 37–43.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕХОВСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Буняева М.В.

В статье рассматриваются художественные произведения А.П. Чехова с точки зрения содержания в них материала, значимого для психологической науки, дополняющего и обогащающего ее. Утверждается тот факт, что творчество писателя не просто обладает психологизмом, естественно ему свойственным, но свои художественные тексты Чехов часто использует для выражения научных воззрений, касающихся психологической науки, что определяет необходимость исследований по данному предмету. Анализируются значимые для психологического рассмотрения художественные тексты писателя.

Ключевые слова: психология и психологизм, психологический анализ в литературе, патографический рассказ, интровертивный и экстравертивный типы.

Художественные произведения А.П. Чехова являются не только его творческим наследием для литературы, но и богатейшим материалом для психологической науки. Исследования творчества писателя, проводимые в области литературоведения и на сегодняшний день преобладающие, используют понятие психологизма (или «психологического анализа в литературе», что является синонимом термина) чеховских произведений, придавая им функцию психологического воздействия, тем самым сводя их значение к построению особого эмоционального тона (см. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.). При этом психологической наукой зачастую упускается из вида тот факт, что личность Антона Павловича, такая загадочная и многогранная, включает в себя не только Чехова-литератора, но в числе остальных ипостасей также Чехова-ученого, исследователя, Чехова-психолога. Его круг общения, помимо прочих, состоял из людей, имеющих прямое отношение к науке, в том числе к науке психологии. Достаточно привести в пример зоопсихолога, профессора петербургского психоневрологического института и основателя отечественной сравнительной психологии В.А. Вагнера или русского невропатолога, психиатра и психолога Г.И. Россолимо, с которыми Чехов вел научные беседы и которые, несомненно, явились для писателя значимым источником получения необходимых психологических знаний.

Таким образом, наличие знакомств Антона Павловича в научном мире, его известный интерес к психологической науке, психоневрологии и психиатрии, а также анализ некоторых его художественных

произведений заставляют утверждать, что творчество писателя не просто обладает психологизмом, естественно ему свойственным, но свои художественные тексты Чехов часто использует для выражения научных воззрений, касающихся психологической науки, что определяет необходимость исследований по данному предмету.

Наука и литература в своих процессах сциентизации и беллетризации текстов представляют собой два разнонаправленных вектора. А.П. Чехов как опытный стратег лавировал между этими двумя векторами, то сциентизируя свои художественные произведения (в качестве яркого примера здесь служит «Остров Сахалин» с его четкой функцией научного текста), то вновь возвращаясь к беллетристике. Среди современников Антона Павловича можно выявить, по крайней мере, две фигуры писателей, чьи тексты отличаются своей направленностью к научным и чьи судьбы так или иначе связаны с Чеховым. Во-первых, это французский писатель Э. Золя, прославившийся значимостью роли в нашумевшем в то время деле Дрейфуса, которое не могло не затронуть и Чехова. «Вы пишете, что Вам досадно на Золя, а здесь у всех такое чувство, как будто народился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали», – писал Чехов Суворину в 1898 г. [5, Письма, Т. 7, с. 166]. Золя знаменит образованием так называемой «натуралистической школы», в которую вошли еще и такие писатели, как Ги де Мопассан, Ж.К. Гюисманс [3]. Суть направления заключалась в перенесении

в литературу приемов научного исследования (в частности, Золя опирался на работы знаменитого физиолога К. Бернара), писатель, принадлежащий данной школе, становился в процессе создания произведений ученым-экспериментатором. Золя называл «экспериментальный роман» логическим следствием научной эволюции своего времени [1].

Следует упомянуть о таком современнике Чехова, как А.М. Скабичевский, который, будучи историком русской литературы, либеральным критиком и одним из ведущих сотрудников «Отечественных записок», известен своей работой, посвященной исследованию каторги, где он анализирует и чеховский «Остров Сахалин» [4]. Скабичевский написал статью под названием «Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне», которая была опубликована в журнале «Русская мысль», № 9 за 1898 г. В ней публицист проводит критический разбор посвященных каторге и ссылке работ А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, П.Ф. Якубовича (писавшего под псевдонимом Мельшин) и С.В. Максимова. Несмотря на довольно резкие высказывания Скабичевского по поводу творчества Чехова, в рассматриваемой работе критик отмечает «Остров Сахалин» как научно-серьезное и обстоятельное произведение, которое включает «в себе... исследование быта каторжных и поселенцев на острове Сахалин, этого последнего нового слова русской каторги» [4, с. 72]. Скабичевский в своей статье говорит о резком различии трактатов А.П. Чехова (а также Максимова) от сочинений Достоевского и Мельшина. Различие это, согласно публицисту, состоит в том, что у Достоевского и Мельшина в рассматриваемых текстах отсутствуют научные исследования и обобщения, тогда как у Чехова (и Максимова) они есть [там же]. Таким образом, Скабичевский утверждает научность чеховского произведения.

Чехов, стремящийся написать научный труд, переносил это свое стремление в художественные тексты, а многочисленные знакомства писателя с учеными, среди которых были психологи, несомненно, сыграли в этом немаловажную роль. Как результат, в художественном наследии Чехова мы видим богатый научно-творческий материал, который существенно дополнит психологическую науку.

И действительно, рассказы писателя имеют в ряде случаев диагностический характер и коррелируют с разработками того времени в области психологии и психиатрии. Чехов гордился, что в своих произведениях он научно точно воспроизводит психозы, неврозы, неврастении. В художественном наследии писателя есть ряд патографических рассказов: «Скучная история», «Припадок», «Черный монах», «Палата № 6» и др. – в них Чехов часто использует медико-психологические термины, а также описывает душевные расстройства практически по стадиям

их развития. Например, в письме А.Н. Плещееву от 13 ноября 1888 г. Чехов пишет о своем рассказе «Припадок»: «Мне как медику кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки» [5, Письма, Т. 3, с. 68]. И действительно, этапы нервного расстройства студента Васильева, потрясением для которого становится посещение публичного дома, прослеживаются достаточно четко, что побуждает рассмотреть данный пример патографического рассказа. Итак, изначально нервное потрясение переживается героем следующим образом: «Ему уж казалось душно и жарко, и сердце начинало биться медленно, но сильно, как молот: Раз! Два! Три! Пойдем отсюда! – сказал он, дернув художника за рукав» [5, Соч., Т. 7, с. 207]. Осознание ненормальности состояния и его нарастания приходит к студенту по дороге домой: «Оставшись один, Васильев быстро зашагал по бульвару. Ему было страшно потемок, страшно снега, который хлопьями валил на землю, и, казалось, хотел засыпать весь мир; страшно было фонарных огней, бледно мерцавших сквозь снеговые облака. Душою его овладел безотчетный, малодушный страх. Попадались изредка навстречу прохожие, но он пугливо сторонился от них. Ему казалось, что отовсюду идут и отовсюду глядят на него женщины, только женщины... Начинается у меня, – думал он. – Припадок начинается...» [там же, с. 214]. Своего пика нервное расстройство достигает, когда герой оказывается дома: «Дома лежал он на кровати и говорил, содрогаясь всем телом: – Живые! Живые! Боже мой, они живые! – Он всячески изошрял свою фантазию, воображал себя самого-то братом падшей женщины, то отцом ее, то самою падшею женщиною с намазанными щеками, и всё это приводило его в ужас» [5, Соч., Т. 7, с. 215]. И, наконец, развязкой истории припадка становится приобретение нервным расстройством устойчивого состояния: «Когда было светло и на улице уже стучали экипажи, Васильев лежал неподвижно на диване и смотрел в одну точку... Всё внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние. Указать, где она, он мог: в груди, под сердцем; но сравнить ее нельзя было ни с чем... Полежав, он встал и, ломая руки, прошелся не из угла в угол, как обыкновенно, а по квадрату, вдоль стен. Мельком он поглядел на себя в зеркало. Лицо его было бледно и осунулось, виски ввалились, глаза были больше, темнее, не подвижнее, точно чужие, и выражали невыносимое душевное страдание» [там же, с. 217–218].

Следующее произведение, на примере которого хотелось бы показать точность передаваемого Чеховым душевного расстройства по его симптоматике – «Скучная история». На протяжении всей

повести, рассказывая о событиях прошлого и настоящего, главный герой – профессор перемежает свою историю самоописаниями, являющимися, по сути, историей болезни. Интерес представляет тот факт, что такие самоописания, находимые читателем в тексте, так же, как и в вышерассмотренном произведении «Припадок», выстроены Чеховым в виде нарастающей симптоматики. Для наглядности примера представляется необходимым привести соответствующие отрывки из повести. Так, сначала читателю дается возможность проанализировать пограничное состояние психики героя, причиной которого, на первый взгляд, является пожилой возраст Николая Степановича, причем сам профессор объясняет это свое состояние упадком умственной деятельности: «Память моя ослабела, в мыслях недостаточно последовательности, и, когда я излагаю их на бумаге, мне всякий раз кажется, что я утерял чутье к их органической связи, конструкция однообразна, фраза скудна и робка. Часто пишу я не то, что хочу; когда пишу конец, не помню начала. Часто я забываю обыкновенные слова, и всегда мне приходится тратить много энергии, чтобы избежать в письме лишних фраз и ненужных вводных предложений – то и другое ясно свидетельствует об упадке умственной деятельности. И замечательно, чем проще письмо, тем мучительнее мое напряжение» [5, Соч., Т. 7, с. 252]. Следующий эпизод доказывает наличие у профессора душевного расстройства: «От бессонницы и вследствие напряженной борьбы с возрастающей слабостью, со мной происходит нечто странное. Среди лекции к горлу вдруг подступают слезы, начинают чесаться глаза, и я чувствую страстное, истерическое желание протянуть вперед руки и громко пожаловаться» [там же, с. 264]. Далее Чехов через своего персонажа описывает «высший градус» нервного возбуждения, которое «обыкновенно после обеда» приобретает устоявшийся периодический характер: «Я начинаю без причины плакать и прячу голову под подушку. В это время я боюсь, чтобы кто-нибудь не вошел, боюсь внезапно умереть, стыжусь своих слез, и, в общем, получается в душе нечто нестерпимое» [там же, с. 280]. Для Чехова в этом произведении характерна яркость воспроизведения данной симптоматики во всех ее проявлениях: «Вся кровь вдруг отливает от моего мозга, из глаз сыплются искры, я вскакиваю и, схватив себя за голову, топоча ногами, кричу не своим голосом: – Оставьте меня! Оставьте меня! Оставьте!... – Ноги мои немеют, точно их нет совсем, я чувствую, как падаю на чьи-то руки, потом недолго слышу плач и погружаюсь в обморок, который длится часа два-три» [там же, с. 297]. И, наконец, следующий отрывок представляет завершенность развития болезни: «Щупаю у себя пульс и, не найдя на руке, ищу его в висках, потом в подбородке

и опять на руке, и всё это у меня холодно, склизко от пота. Дыхание становится всё чаще и чаще, тело дрожит, все внутренности в движении, на лице и на лысине такое ощущение, как будто на них садится паутина» [там же, с. 301].

Имевшийся у Чехова большой интерес к такой области медицины как психиатрия не мог не воплотиться в художественном наследии писателя. И в связи с этим невозможно не упомянуть о широко известной повести «Палата № 6». Уже в самом начале произведения появляется точное и четкое описание протекания такой болезни, как мания преследования, которой страдает один из обитателей палаты Иван Дмитрич Громов: «Он всегда возбужден, взволнован и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием. Достаточно малейшего шороха в сенях или крика на дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться: не за ним ли это идут? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнее беспокойство и отвращение... Иногда по вечерам он запахиивается в свой халатик и, дрожа всем телом, стуча зубами, начинает быстро ходить из угла в угол и между кроватей. Похоже на то, как будто у него сильная лихорадка. По тому, как он внезапно останавливается и взглядыивает на товарищей, видно, что ему хочется сказать что-то очень важное... но скоро желание говорить берет верх... Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна... Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь» [5, Соч., Т. 8, с. 74–75].

Научная психологичность художественных текстов А.П. Чехова отмечалась и обсуждалась еще современниками писателя, его рецензентами, критиками. Например, после выхода в свет рассказа «Убийство» большинство его рецензентов признало психологическую убедительность описания переживаний персонажей: известно мнение одного из рецензентов «Книжек недели», который отметил, что «психологический процесс, выпуклость характеров... рассказа замечательны, как всегда» [5, Соч., Т. 9, с. 483]. Драматург В.А. Тихонов в письме к Чехову от 8 марта 1890 г. в связи с выходом рассказов «На пути» и «Дома» называет писателя психологом, отмечая: «Психолог и “На пути” и “Дома” проследит за каждым извивом души человеческой» [5, Соч., Т. 6, с. 643].

Рецензент сборника «В сумерках», оставшийся анонимным, писал, что Чехов «является не только психологом и тонким наблюдателем, но и настоящим художником» [5, Соч., Т. 6, с. 639].

К.Г. Юнг в докладе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» (1922) утверждал, что предметом психологии может являться только часть искусства, охватывающая процесс художественного образотворчества, тем самым

определяя своеобразие взаимосвязи областей искусства и психологии, которые, взаимодействуя между собой в этом ключе, в остальном имеют совершенно разную векторную направленность. Говоря о процессе художественного творчества, Юнг различает две различные по существу возможности протекания этого процесса. В первом случае (интровертивный тип по Юнгу) произведение пишется художником сознательно, намеренно, писатель придерживается в творчестве своих определенных целей; вторая (экстравертивная) установка, напротив, предполагает, что появление продуктов творческой деятельности происходит спонтанно, независимо от намерений творца (представляет собой прорыв голоса само-сти). При этом Юнг замечает, что и «сознательно творящий художник (воспроизводящий процесс образотворчества первого типа, – прим. М.Б.) тоже может находиться в плену у своего создания» [6], например, «когда художник, намереваясь сказать нечто, более или менее явственно говорит больше, чем сам осознаёт» [там же]. Исходя из воззрений Юнга и анализа творческого наследия А.П. Чехова, можно утверждать, что, несмотря на умелое и намеренное использование в творчестве психологических инструментов, писатель оставался если и не в плену, то в тесной взаимосвязи с литературой, о чем он сообщил в письме Ф.О. Шехтелю 19 апреля 1893 г.: «Я по уши ушел в чернильницу, прирос к литературе, как шишка... будь у меня миллион, мне кажется, я издал бы сто тысяч книг» [5, Письма, Т. 5, с. 203]. И ведь дей-

ствительно, по правомерному замечанию чеховеда М.П. Громова, «чтобы написать все, что вошло теперь в тридцатитомное собрание сочинений, нужно было и впрямь “уйти в чернильницу”, годами не отрываться от письменного стола» [2, с. 12].

В связи со всем вышеизложенным представляется необходимым сделать вывод о том, что А.П. Чехов, по праву являясь психологом от литературы, внес в психологию значительный вклад, что определяет для науки важность проведения исследований по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов И., Клеман М. Золя // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М., 1929–1939. – Т. 4. – С. 356–374.
2. Громов М.П. Вступительная статья // Переписка А.П. Чехова: в 2 т. – Т. 1. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1984.
3. Золя Э. // Онлайн энциклопедия «Кругосвет». – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ZOLYA_EMIL.html
4. Скабичевский А.М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. – 1898. – № 9.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. – М.: Наука, 1974–1983.
6. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / пер. В.В. Бибихина. – URL: http://wanderer.org.ua/book/psy/jung/alh_i_tvorch.html

Сухов Н.И.

Междисциплинарные контакты психологии и литературоведения весьма оживлённы и продуктивны. В этом аспекте весьма значительный интерес представляет собой психология литературы разрабатывавшаяся Бобровым и его единомышленниками. Традиции психологического анализа литературы, заложенные Бобровым ещё в Юрьевском и Казанском университетах продолжил его ученик Н.Н. Сретенский в Донском, затем Северокавказском университете. Эти традиции, даже несмотря на громадные исторические затруднения для их развития они дожили почти до нашего времени преимущественно посредством донского чеховедения.

Ключевые слова: психология литературы, Бобров, Сретенский, Громов, психолого-литературный синтез, история психологии, Донской (Северокавказский, Ростовский) университет.

Междисциплинарные контакты психологии и литературоведения весьма оживлённы и продуктивны. В этом аспекте весьма значительный интерес представляет собой психология литературы, разрабатывавшаяся Бобровым и его единомышленниками.

До того как мы перейдём к описанию развития психологии литературы в школе Боброва, кратко остановимся на самом понятии школы. Дадим краткую характеристику этого определения в современном науковедении. Как видно из обзора разнообразных подходов к определению понятия научная школа, среди учёных науковедов нет единого мнения относительно того, какими характеристиками должно обладать сообщество ученых, чтобы именоваться школой. Но всё же можно попытаться выделить ряд признаков, наличие которых, по мнению большинства учёных, необходимо для формирования научной школы.

Первый из этих признаков – наличие идейного лидера школы. Как правило, это выдающийся учёный, создавший свою оригинальную научную теорию. О.Ю. Грезнева отмечает, что системообразующим элементом (научной школы) является личность учителя, основателя школы [3]. Р.А. Фандо утверждает, что с появлением лидера, обладающего широким спектром качеств для формирования научного направления, и коллектива, способного к развитию основополагающих идей, возникает научная школа [10]. Д. Зербино предполагает, что при появлении неординарной личности – научного лидера и, естественно, при хотя бы минимально

благоприятных условиях может сформироваться научная школа. Она, как правило, растёт медленно, «созревая» постепенно – если есть способные ученики, актуальный объект исследований и материальные возможности. Родиться внезапно она не может. Первое условие ее возникновения – наличие крупной личности, истинного ученого-экстраверта [6]. Б.М. Кедров так характеризует роль лидера научной школы: «Особая роль в развитии научных коммуникаций отводилась руководителю научной школы: именно в рамках научной школы молодые исследователи под руководством лидера разрабатывают программу, поддерживая тесное общение как друг с другом, так и через учителя с остальным миром» [7].

Вторым признаком, по мнению ряда учёных, [4, 5, 9] является производство научной школой текстов. Индекс цитируемости работ является сегодня одним из основных показателей авторитетности учёного в научном сообществе. Особенно актуально наличие научных трудов, протоколов заседаний кафедр, статей, заметок и других письменных продуктов деятельности школы становится в том случае если она уже распалась, а учёных в неё входивших уже нет в живых. Третий признак это – наличие у организатора школы учеников, которые передают научные традиции последующим поколениям учёных.

Прежде чем описывать психологию литературы в рамках научного сообщества, объединившегося вокруг личности Евгения Александровича Боброва, необходимо сказать несколько слов о личности

самого Боброва и его учеников. Тем более что личность этого неординарного учёного сегодня незаслуженно предана забвению за грехи времён гражданской войны. Бобров – крупный учёный с энциклопедическими познаниями в философии, психологии, лингвистике, педагогике, литературоведении. Родился Бобров 24 января 1867 г. в семье рижского землемера. С 1885 г. он учился в Юрьевском университете, где был учеником Густава Тейхмюллера. В 1890 г. окончил университет со степенью кандидата по философскому и филологическому отделениям. С 1894 г. Бобровым читались лекции по русской словесности при Юрьевском ветеринарном институте. С 1896 г. в должности экстраординарного профессора он преподаёт в Казанском университете. Здесь он читает разнообразные курсы по психологии, логике, педагогике, философии и, помимо всего прочего, организует студенческий философский кружок, в котором занимались два самых видных его ученика Иван Иванович Ягодинский и Николай Николаевич Сретенский. В 1903 г. Бобров переходит со званием экстраординарного профессора на кафедру философии в Варшавский университет. Вслед за ним переезжают Сретенский и Ягодинский. Здесь они создают кабинет психологии и педагогики, которым Бобров заведует вплоть до 1920 г. За всё время своей научной деятельности Бобров написал более трёхсот научных трудов. Созданное Бобровым научное сообщество объединило его коллег и единомышленников и нашло себе пристанище в 1915 г. в Ростовской эвакуации.

Сам Бобров ещё до расформирования СКГУ, с 1927 г., вёл семинарий повышенного (научно-исследовательского) типа по истории литературы. Семинарий начал работу 23 января. За первые семь месяцев его работы было проведено 25 заседаний, было сделано 36 докладов. Целью работы семинария являлось научное исследование историко-литературных проблем в свете социологического метода. Работы по формальному методу, а также и по методу «форсоца», как противоречащие интересам науки истории, не допускались. Тематика докладов была чрезвычайно широка. Среди прочих были представлены доклады о Гесиоде, Софокле, Шиллере, Гёте, Золя, Помяловском, Левитове, Достоевском. С докладом о пролетарском творчестве выступал ректор СКГУ Л.М. Ефремов. По общим вопросам литературоведения выступал на семинарии и тогда уже профессор Сретенский [1].

Отдельно стоит отметить четырёхтомное исследование «Литература и просвещение в России», в котором Бобров анализирует рукописи В.Г. Белинского, А.И. Полежаева, П.П. Шкляревского и других авторов. Часть из этих рукописей принадлежала

лично Е.А. Боброву. Он был страстным коллекционером древних изданий. Свою личную библиотеку в 18000 томов Бобров передал в дар университету в 1926 г. [2].

Долгое время Бобров вёл переписку с Б.Л. Модзалевским (одним из основателей Пушкинского Дома) и написал несколько биографических работ о пребывании Пушкина на Волге.

Литературоведческую традицию в школе после Боброва продолжил Н.Н. Сретенский (1889 – год смерти неизвестен). Н.Н. Сретенский учился в Казанском университете на историко-филологическом факультете. С 1916 г. Сретенский читает курс психологии на историко-филологическом факультете Варшавского университета. Первые научные труды Н.Н. Сретенского посвящены анализу философских систем Декарта и Лейбница. Свою научную и преподавательскую деятельность, после закрытия историко-философского факультета в 1930 г., Сретенский продолжил в Ростовском государственном педагогическом университете. Здесь он возглавлял кафедру зарубежной литературы. Он преподавал историю западной литературы в Педагогическом институте вплоть до 50-х гг. В 1938–1939 гг. в Ростове начинает свою работу Шекспировский кружок под руководством профессора Сретенского. Организован он был при Шекспировском кабинете областного отделения Всероссийского театрального общества в ноябре 1938 г. Кружок должен был объединить студентов и театральных работников, заинтересованных в систематическом изучении творчества Шекспира. Ещё до начала официальных заседаний кружок принял активное участие в работе театра им. Горького во время постановки «Укрощения строптивой». С кружком тесно сотрудничал известный столичный актёр Ю.А. Завадский. Вместе с ним участники кружка обсуждали постановки. «Кружковцы» принимали активное участие в организации юбилейных дней Шекспира в Ростове. В частности, 6 апреля Сретенским была проведена публичная лекция в физическом корпусе Пединститута.

Наиболее яркий след в отечественном литературоведении школа Боброва оставила посредством влияния на первых донских чеховедов психолого-философской мысли Боброва, его академической уравновешенности, склонности к классическому психологическому анализу текста. Здесь речь пойдёт о Леониде Петровиче Громове. Чеховед с мировым именем был учеником Н.Н. Сретенского. Громов участвовал в работе Шекспировского кружка и семинария по стилистике и поэтике, который проводил его учитель в стенах Педагогического Института. О данном семинарии, который во многом раскрывает суть психолого-литературоведческого

синтеза развиваемого в рамках школы Боброва речь и пойдёт далее.

Кроме общественно просветительской деятельности, Сретенский читал разнообразные курсы по истории русской и зарубежной литературы. Свою методологическую позицию он противопоставляет антипсихологизму формальной школы и характеризует её так: «Я лично отнюдь не сторонник «формализма» в духе ленинградской школы Эйхенбаума и В. Шкловского. Их заявления, что искусство исключительно «живёт на основе сплетения и противопоставления своих традиций», что «никакой причинной связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет», – всё это, конечно, затейливые парадоксальные лозунги с кокетливыми претензиями на неисчерпаемую оригинальность и новизну такого критического «остранения» литературы. Такие лозунги грозят завести искусствоведа в пустыню головомных и вымученных схем, а целое литературного развития – как исторический процесс – оставить «на холостом ходу». В противовес исключительности такого толкования формального метода каждый трезвый наблюдатель скажет, что конечную и важнейшую цель работы, производимой при посредстве всех приёмов объективного изучения художественного материала, составляет рассмотрение, по выражению Н.И. Бухарина, «общественно-функционального смысла литературы». Семинарий преследовал три основных цели: «Прежде всего, хотелось дать исподволь вырастающее впечатление смены литературного языка, т. е. лексического материала и соответствующих стилистических и поэтических приёмов обработки его. Далее, желательно было не утратить из виду смены преобладающих сюжетов в их социальной мотивировке и соответствующей авторской идеологии на фоне общественно-исторического развития. И, наконец, было важно привести участников семинария хотя бы к самому общему представлению о «диалектике» литературных эпох и направлений, поскольку последняя главным образом выражалась в колебаниях равнодействующей двух сил: а) революционных порывов к новой форме и б) усвоения прежних литературных традиций – при непрерывной смене сюжетной стихии [8].

Итоги деятельности семинария Сретенский характеризует следующим образом.

Литература наших дней связана неизбежно и прочною преемственностью форм с истоками литературы классиков и типовые, напр., различия художественной манеры Пушкина и Гоголя ещё сейчас – *mutatis mutandis* – с большею или меньшею ощутимостью характеризуют современных писателей «попутчиков» и писателей пролетарского

лагеря (стоит сравнить, с одной стороны Сейфулину, Вс. Иванова, Неверова, Ляшко, и, с другой, Леонова, Замятина, Серафимовича, Малышкина), кривая развития русской художественной прозы знает чередование типических моментов одностороннего «перерастания» головного начала, идейной тематики, за счёт ослабленного интереса к форме (народническая и вообще «передвижническая» беллетристика конца XIX в. или, также, первые незатейливые побеги пролетарского эпоса) и моменты обратного «перерастания» формы с идеологической ущербностью (художественная проза символистов и декадентов, отчасти «серапионовцы»). Высоты гармоничного сочетания богатой формы и веского социального содержания отмечены именами Гоголя, позднее Достоевского, Толстого и Лескова, на рубеже XX в. именами Чехова и Горького; приближение к устойчивому равновесию художественного концепта обещают и наиболее талантливые послеоктябрьские писатели: Сейфуллина, Бабель, Ляшко, Леонов), сравнительное изучение образцов русской художественной прозы показывает, что за вековой период имел место заметный рост экспликативных художественных приёмов, утончение их, социально обусловленный сдвиг словаря и самой речевой ритмики и интонаций, смена и расширение сюжетного репертуара. И всё же в качестве пожелания для современного литературного «молодняка» должно назвать не «новаторство ради новаторства» (*an und fur sich*), – равно и не литературный пессимизм! – а творческое ускорение и переработку лучших даров литературного прошлого с неременной установкой мысли и манеры речи на способности восприятия, здоровье, свежие вкусы и запросы новых читательских кругов. А поскольку эти круги расходятся до пределов широкой трудовой массы, восходящей сейчас по лестнице культуры, писатель-общественник (а не узкий сектант, и не чудачествующий отщепенец) не может не держать курса на простоту стиля и на возможно большую экономию художественно-выразительных средств, ибо (вспоминается Л. Толстой!) величие и красота только там, где есть простота и правда [8].

Сретенский выступает здесь наиболее активным продолжателем литературно-психологических и философско-эстетических изысканий начатых Бобровым до революции. Мы видим, что несмотря на громадные исторические затруднения для их развития они дожили почти до нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Семинарий повышенного научно-исследовательского уровня по истории литературы // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 18–69.

2. Государственный архив ростовской области. ФР-46. О 1. Д 197. Л 22.
3. Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). – М., 2003. – 69 с.
4. Гузевич Д.Ю. Научная школа как форма деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. – 2003. – № 1. – С. 64–93.
5. Жданов Г.Б. Стандарты, развитие и научные школы // Природа. – 1989. – № 10. – С. 79–84.
6. Зербино Д.Д. Научная школа как феномен // Академия наук Украины. – Киев: Наукова думка, 1994. – 136 с.
7. Кедров Б.М. Научная школа и ее руководитель // Школы в науке. – 1977. – С. 300–310.
8. Сретенский Н.Н. Из опыта семинария по стилистике и поэтике // Отдельный оттиск «Известий ДГУ». – Ростов н/Д., 1925. – Т. 6.
9. Ильин Г. Научная школа как социальный институт и педагогический феномен // Высш. образование в России. – 1998. – № 4. – С. 49–50.
10. Фандо Р.А. Пути трансформации феномена «научной школы» // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. – М.: Диполь-Т, 2004. – С. 225–229.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Котенёва Е.Б.

В данной статье раскрывается вопрос о разнообразии тематики проведённых исследований в области профессиональной деятельности социальных работников, а именно, изучении ценностно-смыслового отношения к работе у сотрудников социальной сферы. В статье представлена актуальность выбранной темы, психологические аспекты её изучения.

Ключевые слова: социальный работник, профессионально – личностное развитие, ценностное отношение, смысловое отношение.

Социально-экономические, политические, демографические процессы, происходящие в России, коренным образом изменили социальную сферу жизни общества. Растущая быстрыми темпами социальная и имущественная дифференциация населения, безработица, появление беженцев, мигрантов, неблагоприятная экологическая обстановка и сложная демографическая ситуация являются реальностью сегодняшнего дня.

В этих сложных условиях актуализируются проблемы, связанные с социальной помощью, поддержкой, реабилитацией отдельного человека, различных групп и сообществ. Человек сегодня нуждается в квалифицированной социальной помощи и поддержке, что вызывает настоятельную потребность в профессиональных кадрах – специалистах социальной работы.

Социальные работники – представители особой, деликатной и гуманной профессии. Они выступают в роли посредника между отдельным человеком или семьёй и государством. Социальная работа обращается к барьерам, неравенству и несправедливости, существующим в обществе. В этой сфере работают люди, которые приходят на помощь престарелым гражданам, инвалидам, многодетным и малообеспеченным семьям, нетрудоспособным группам населения, нуждающимся в социальной поддержке.

С начала 90-х гг. под воздействием радикальных социально-экономических реформ происходит существенное изменение в социальной политике. В трудах В.И. Добренёва, В.И. Жукова, С.Н. Смирнова, Н.М. Токарского, Ж.Т. Тощенко, П.А. Чукареева и др. рассматриваются новые принципы социальной политики в России, концепция адресной социальной помощи, стратегия преодоления бедности и повы-

шения уровня жизни населения, возможности использования зарубежного опыта при формировании российской модели социальной защиты населения.

В настоящее время наиболее актуальными представляются теоретические и методологические аспекты становления профессии «социальный работник» в России, которыми занимаются такие специалисты, как Л.Г. Гусякова, Е.И. Комаров, В.А. Никитин, П.Д. Павлёнок, В.Н. Ярская и др. В своих трудах В.А. Лукова, Л.В. Топчая, Е.И. Холостова значительно расширили границы исследования. В них речь идёт об управлении системой социальной защиты, оценке эффективности учреждений, профессионализме работников социальных служб. Проблемы, связанные с такими аспектами социальной политики, как «государство всеобщего благоденствия», выделение активной социальной составляющей в социальной рыночной экономике, вопросы эффективности социальной работы изучались в трудах Д.Ж.Л. Магнабоско, Х. Ламперта, Л. Эрхарда и др. [цит. по 13, с. 109].

Был проведён ряд исследований, рассматривающих вопрос о личности социальных работников, их профессиональном становлении. Эти исследования были посвящены:

- профессионально-личностному развитию социального работника с присущими ему сущностными и структурно-содержательными характеристиками социальной работы как профессиональной деятельности, базовыми основаниями личности социального работника, ведущими тенденциями и педагогическими условиями профессионально-личностного развития [12];
- конкурентоспособности в системе разноразрядных характеристик личности работников социальной сферы [11];

- социально-психологическим условиям продуктивного личностно-профессионального становления социального работника [9];
- позиции социального работника в структуре профессионального общения, позиционным особенностям профессионального общения социального работника в сопоставлении с профессиональным общением педагога [3];
- психологическим условиям успешности профессиональной деятельности по адаптации престарелых людей [4];
- социально-психологическим условиям преодоления профессиональной усталости [10];
- синдрому эмоционального выгорания и предпочитаемым стратегиям борьбы со стрессом в зависимости от стажа и вида деятельности [7];
- системе ценностей социального работника и психологическим основаниям её эффективного становления [5].

Но, несмотря на широту предметов исследований, в современной литературе недостаточно рассматривается вопрос об отношении социальных работников к своей профессиональной деятельности, о динамике этого отношения на разных этапах деятельности и в связи с успешностью деятельности социальных работников.

Как известно, качество и успех работы зависят от отношения к ней. Психическое отношение выражает активную избирательную позицию личности, определяющую индивидуальный характер деятельности и отдельных поступков [6, с. 228]. Одним из основных определяющих факторов профессиональной пригодности человека для социальной работы и эффективности практической деятельности является его система ценностей, смысловых отношений к работе.

Ценностное отношение связано с потребностями, с реальными условиями жизни, с реальной деятельностью людей. [8, с. 28]. Наиболее ярко роль ценностных ориентаций и ценностных отношений проявляется применительно к профессиональной деятельности. Для каждой профессиональной группы характерен свой смысл деятельности, своя система ценностей. Роль ценностных ориентаций заключается в том, что они детерминируют профессиональное поведение, обеспечивая содержание и направленность деятельности и придавая смысл профессиональным действиям. [2, с. 18].

Смысл любой деятельности, в том числе и профессиональной, определяется её отношением к реальным потребностям конкретного субъекта и выражается в его мотивах. Смысл профессиональной деятельности отражается в сознании субъекта как представление о значении (месте и роли, функциональном назначении) профессиональной деятель-

ности (или её отдельных сторон, элементов) в его жизнедеятельности для реализации тех или иных потребностей субъекта и воплощается в форме мотива деятельности [1, с. 286].

Ценностно-смысловая сфера личности человека достаточно хорошо исследована и в отечественной, и в зарубежной психологии. Психологические аспекты ценностно-смысловой сферы личности и смыслового понимания разрабатывались в работах К.А. Абульхановой-Славской, А.Г. Асмолова, С.Т. Джанерьян, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, Л.С. Выготского, Б.Е. Зейгарник, Е.А. Ютимова, Е.В. Корниловой, Д.А. Леонтьева, Г. Оллпорта, М. Рокича, С.Л. Рубинштейна, А.В. Серого, В. Франкла, М.С. Яицкого и др.

На сегодняшний день изучены аспекты проблемы личностной обусловленности профессиональной пригодности, профессионального сознания и самосознания на различных этапах профессионализации (Е.А. Климов, С.Т. Джанерьян, Е.П. Ермолаев, С.Р. Пантिलеев), ценностных ориентаций в зависимости от уровня профессионализации и типа профессиональной деятельности (Ю.К. Стрелков, Н.В. Иванова и др.), смысловых регуляторов в реализации профессиональной деятельности (Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников, А.К. Маркова, Л.М. Митина и др.).

В отношении социальных работников не было проведено исследований по вопросу ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности. Поэтому в ходе будущего исследования можно будет выявить типы отношений к своей работе у специалистов социальной сферы, выделенные С.Т. Джанерьян [1]: средственное отношение, потребностно-технологическое и ценностное. На основе выделенных типов можно будет проследить их динамику у социальных работников и влияющие на неё факторы.

В результате вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- профессия «социальный работник» играет существенную роль в современной социально-экономической ситуации в России, а её ценностно-смысловые ориентации наряду с профессиональными качествами специалиста обуславливают реализацию благородной цели профессии – борьба с несправедливостью и неравенством, существующим в обществе;
- личностные особенности и профессиональная деятельность социальных работников являлись традиционным предметом ряда исследований, но ценностно-смысловые отношения, определяющие то, что значит для социального работника его профессия, практически не изучались;
- ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности определяет профессио-

нальное поведение, придаёт смысл профессиональным действиям, прямо влияет на направленность деятельности и её успешность;

- проведение перспективного психологического исследования имеет своей целью установление типов ценностно-смысловых отношений к профессиональной деятельности у социальных работников, выявление динамики этих отношений в зависимости от продолжительности и успешности деятельности, специализации работников социальной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный анализ. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2004. – 480 с.
2. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Просвещение, 1978. – 272 с.
3. Лаптева М.Д. Позиция в структуре профессионального общения: в контексте переподготовки социальных работников: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999. – С. 216.
4. Лотова И.П. Психологические условия успешности профессиональной деятельности работников специальных социальных служб по адаптации престарелых: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 140 с.
5. Мальцев В.А. Система ценностей социального работника и психологические основания её эффективного становления: дис. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2001. – 178 с.
6. Мясищев В.Н. Психология отношений \ \ Под редакцией А.А. Бодалева. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.
7. Ожогова Е.Г. Взаимосвязь синдрома «эмоционального выгорания» и стратегий преодоления стресса у социальных работников: дис. ... канд. психол. наук. – Саратов, 2008. – 157 с.
8. Панфилов О.М. Ценностные отношения: природа и генезис. – М.: Просвещение, 1992. – 128 с.
9. Саенко А.Г. Социально-психологические условия продуктивного личностно-профессионального становления социального работника: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 222 с.
10. Тюрина Н.А. Социально-психологические условия преодоления профессиональной усталости социального работника: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 219 с.
11. Холодцева Е.Л. Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности работника социальной сферы: дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2006. – 214 с.
12. Шмельёва Н.Б. Профессионально-личностное развитие социального работника: дис. ... докт. пед. наук. – Ульяновск, 1997. – 289 с.
13. Lewin K. Field Theory in social science. – N. Y.: Harper, 1964. – 279 с.

Shkurko T.A., Balakina A.A.
**The image of the city and features
of the relation to the other of the residents
of the megalopolis and large city
(on the example of Moscow and Rostov-on-don)**

The article is devoted to analysis of the types and parameters relations to other residents of metropolitan and large cities (Moscow and Rostov-on-Don) in their relationship with the structural – substantial characteristics of each of these cities. The article contains an introduction to the problem of relations inside the city community, the problem of the content and structure of the image of the city subject to his social interaction with others within the urban space, as well as the part of the dissertation research devoted to studying of territorial-spatial factors related to the other inhabitants of the big and small cities. The results of the study confirm the hypothesis about the differences parameters and types of relations to other residents of the megalopolis and the big city, as well as structural – substantial characteristics of the images of these cities.

Keywords: *relation to other, interpersonal relations, the kinds of relations, trust, manipulative attitude, social interaction, the image of the city.*

REFERENCES

- Berger P., Lukman T. The social construction of reality. – M., 1995.
- Bourdieu P. Physical and social space // Sociology of social space. – M.: Institute of sociology; SPb.: Altea, 2007. – P. 64–87.
- De Serto M. In the city on foot / Communitas / Community. – 2005. – N 2.
- Glazychev V.L. Education space // Knowledge is power. – 2004. – August. – P. 39–46.
- Gurin S.P. The image of the city in the culture: the metaphysical and mystical aspects. – URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm
- Heidmets M. Review of studies on the spatial factor in interpersonal relations // Man environment space: studies on the psychological problems of space-object environment. – Tartu: TSU, 1979. – P. 129–161.
- Iovlev V.I. Architectural chronotope and the symbolism // Semiotics of space: collection of scientific works The International Association Of Semiotics of space / Edited by A.A. Barabanov. – M.: Architect, 1999.
- Jelnina A. Malaya Sadovaya street in St.-Petersburg: experience of formation of public space / Communitas / Community. – 2006. – N 1. – P. 53–71.
- Lisina M.I. Problems of ontogenesis of communication. – M., 1986.

- Lynch K. The image of the city. – M.: Stroizdat, 1982.
- Milgram S. An experiment in social psychology. Part 1. People in the big city. – SPb., 2000.. Myasishev V.N. Psychology of relations. – M.: Publishing House Of The Moscow psychological-social institute, 2003.
- Sennett R. The fall of public man / Translation of english about Isayeva, E. Rudnitskaya, V. Sofronova, K. Chuhrukidze. – M.: Logos, 2002.
- Shimko M.S. Peculiarities of visual perception. – M.: Higher school, 1990.
- Shkurko T.A. The concept of the relationship of a person // Social psychology of personality. – Moscow: Gardariki, 2001. – P. 129–142.
- Shmatko N.A., Kachanov YU.L. Territorial identity as an object of sociological research // Sociological researches. – 1998. – N 4. – P. 94–99.
- Spirchenko M.A. Image, image and brand of a tourist city. – URL: http://archvuz.ru/numbers/2007_22/k23

Bzezyan A.A.
**Features of Russian entrepreneurs
representations about the partners
of small businesses belonging to «own»
and «alien» ethnic group**

The paper studies the influence on the representation of Russian entrepreneurs on business partners that they belong to “own” or “foreign” ethnic group, the study of the effect of direct or indirect experience with them. We consider the estimation of a set of personality traits that are traditionally included in the structure of representations of the entrepreneur and the combination of which indicates the degree of positive – negative image of a businessman. Comparative analysis of ratings of personal characteristics of entrepreneurs belonging to “own” and “alien” ethnic group, showed a significant effect of ethnicity on the degree of positive image of entrepreneurs.

Keywords: *Representation, personal characteristics, entrepreneur, an ethnic group.*

REFERENCES

- Andreeva G.M. Psychology of social knowledge. – M: Aspect the Press, 2000.
- Balasova E.A. Interrelation of an ethno cultural accessory and specificity of social representations about the management and submission relation (on sample of Russian and Tatars). – URL: <http://childpsy.ru/dissertations/id/22282.php>
- Bodalev A.A. Perception and understanding of the person the person. – M.: Pablsh The Moscow University, 1982.

4. Grebennikova O.V. Features of social representations of modern Russian teenagers // Psychological researches: electronic scientific magazine. – 2010. – № 2 (10). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/308-grebennikova10.html>
5. Dagaeva E.A. Theory of social representations as a methodological basis of studying of image. – URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/dagaeva_ea.doc.pdf
6. Dontsov A.I., Yemelyanova T.P. The Concept of social representations in modern French psychology // Psychology Questions. – 1984. – № 1. – P. 147–152.
7. Yemelyanova T.P. Social representations – concept and the concept: results of last decade // Psychological magazine. – 2001. – Т. 22. – № 6. – P. 39–47.
8. Yemelyanova T.P., Pattison A.S. Feature of social representations about Russian at inhabitants of Czechia and the USA // Psychological researches: electronic scientific magazine. – 2010. – № 5.
9. Balabanov S.S., Voronin G. L., Frantsuzova L.J. Image of the businessman at teachers and pupils // Sociological researches. – 1993. – № 2. – P. 8–12.
10. Lebedeva N.M., Markovsky O.V. Interrelation of social representations of Russian and Germans with psychological characteristics of cultures (on an example of a situation of hospitality) // Psychological magazine. – 2006. – Т. 27. – № 4. – P. 77–85.
11. Maslach K., Pajns E. Practical work on social psychology. 4 international edition. – Spb.: Peter, 2000.
12. Melija M.I., Rozin M.V. Formation of a positive image of the businessman in public consciousness // Psychology Questions. – 1993. – № 1.
13. Osgud C., Susi of J., Tannenbaum P. Enclosure of a technique of semantic differential to researches on an esthetics and adjacent problems. – M: the World, 1972.
14. Priests of Century D. Social psychoanalysis of subjects of the Russian market // Psychological magazine. – 1994. – Т. 15. – № 5. – P. 30–43.
15. Ponomarenko L. Features of social representations of citizens of Ukraine and the USA (cross-country-cultural the analysis). – URL: http://pppsychology.ru/politicheskaya_psihologiya/osobennosti_socialnyh_predstavlenij_grazhdanok_ukrainy_i_ssha
16. Bovina I.B., Stefanenko T.G., Tihomadritsky Island A, Malysheva N.G., Golyanchik E.O. Russia in the modern world: the approach of the theory of social representations // The Information humanitarian portal «Knowledge. Understanding. Ability» (Pedagogics. Psychology). – 2009. – № 2. – URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tihomadritskaya&Malysheva&Golyanchik/
17. Huhlaev O.E, Balashova E.A. Social of representation about the management and submission relation: distinction cross-country-cultural // Social psychology and a society. – 2010. – № 1. – P. 91–105.
18. Poisons of Century And. To a question on national features of modernization of the Russian society // Official site ИС РАН. – 2010. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1736>
19. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. By P.J. Forgas. – London, 1981. – P. 181–209.

Kiryakova E.A.

Psychological aspects of military officer's claims studying

Given article is devoted theoretical analysis of the psychological aspects of military officer's claims. Definitions, kinds and functions are considered; characteristics and features of kinds of claims; maintenances of is professional-career claims at military men of officers in connection with their individually-psychological features, adaptedness and duration of professional office activity.

Keywords: *claims, is professional-career claims, psychological aspects, individually-psychological features, adaptedness, duration of professional office activity.*

REFERENCES

1. Aleshina I.Sh. Level of aspirations of students with various pedagogical institutes of character accentuation: dis. kand. psih. sciences. – M., 2003. – P. 15–170.
2. Bagdasaryan N.G. Graduate students' expectations. – M., 2003. – P. 113–119.
3. Velichko S.V. Adaptive capacity of servicemen in the psychological preparation for civilian life: dis. kand. psih. sciences. – M, 2004. – P. 24–35.
4. Gornostay P.P. Life claims of the individual. Vyp. 8 (11). – Kiev, 2004. – P. 31–40.
5. Dzhaneryan S.T, Shumikhin A.V. relationship claims and self-concept, theoretical and psychological aspect // North Caucasian Psychological Bulletin. – Rostov n/D, 2007. – № 3. – P. 75–76.
6. Zharov A.K. Psychological conditions of professional self-affirmation of young officers of surface ships: dis. kand. psih. sciences. – M, 2003. – P. 23–24.
7. Maklakov A.G. Military Psychology. – M., 1998. – P. 57–59.

8. Magun V.S. Engovetov M.V. Life claims of different social groups of young people. – Samara, 2003. – P. 194–223.
9. Markova A.K. Psychology professionalism. – M., 1996.
10. Peter S.L. Development of I-image of conscripts: dis. cand. sci. science. – M., 2001. – 216 p.
11. Solovov I.V. Coping servicemen of internal troops of Russia to combat activities in armed conflict: dis. cand. sci. science. – M., 1999. – P. 28–57.
12. Tsybaeva L.A. Psychological characteristics of self-concept of personality officers: dis. kand. mental. sciences. – M., 2001. – P. 23–56.
13. Bergman G. Bowling Green State University et. al., Court Transcript. – 582 p.
14. Military Psychology: Overview. Retrieved. – 2009. – P. 205–207.
7. Zuev J.M. Motivation determinants of professional success of commanders of military divisions: dis. ... cand. psychol. sciences. – Khabarovsk, 2006. – 231 p.
8. Kozievsky E.V. Professional a self-appraisal and motivation of achievement of state employees: psihologo-akmeologicheskaja influence model // Akmeology in system of activity of civil servants / Under the general redaction by A.A. Derkach. – M., 1999. – P. 5–14.
9. General military charters of Armed forces of the Russian Federation 2010. – M.: Eksmo, 2010. – 608 p.
10. Rubinshtein S.L. The basis of the psychology: in 2 v. – M., 1989. – V. 2. – 328 p.
11. Ryabikina Z.I. The development of person and professional growth: dissertation abstract. ... dr. of psychol. sciences. – Minsk, 1997. – 47 p.
12. Freud Z. Introduction in psychoanalysis: lectures. – M.: Nauka, 1991. – 456 p.

Lebedeva P.A.

Psychological aspects of studying of an ideal of the modern military man: research prospects

In given article the concept «ideal», its various treatments in modern humanitarian knowledge, foreign and domestic psychology is considered. Are discussed socially significant and personal a significant ideal. The maintenance of socially significant ideal of the military man reveals. The basic prospects of research of an ideal of the modern military man are planned.

Keywords: an ideal, socially significant and personal a significant ideal, an ideal of the military man.

REFERENCES

1. Bern E. Games in which played people. Psychology of human mutual relations: People who play games. Psychology of human destiny. – SPb.: Lenizdat, 1992. – 400 p.
2. Burns R. Razvitie self-concept and education. – M.: Progress, 1986. – 420 p.
3. Golovaha V.I. Vital prospects and professional self-determination of youth. – Kiev: Naukova dumka, 1988. – 144 p.
4. Dzhannerjan S.T. Professional the self-concept: the system analysis. – Rostov-on-Don: Publishing house Growth, 2004. – 480 p.
5. Dzhannerjan S.T., Gvozdeva D.I. The kind of ideals of a way of life of the person of students-graduates of high school: professional aspect // News of Southern Federal University. Pedagogical sciences. – Rostov-on-Don: Publishing house SFU, 2010. – № 9. – P. 149–156.
6. Dzhannerjan S.T., Sheveleva A.M. Ideals of professional career at the future psychologists // Psychological bulletin. – Rostov-on-Don, 2000. – Release 5. – Part 1–2. – P. 214–219.

Panina E.A.

Psychological aspects of studying the motivational sphere of Naval Academy cadets

This article defines the psychological aspects of studying the motivational sphere of seamen. The following aspects of the study of seafarers: psychological, social, religious, aspect of the adverse mental states, economic, managerial and motivational. Results of pilot study of motivational sphere of cadets of the Naval Academy.

Keywords: Motivational scope of cadets of the Naval Academy, the professional motivation of the dynamics of the motivational sphere of cadets, seamen, career choice motive, the specificity of the sailors.

REFERENCES

1. Bogdanov R.B., Lupachev V.V. State of psychological and emotional sphere for seafarers working on ships of foreign firms // Ecologist human. – 2009. – № 3.
2. Vinnikov V. etc. On the prevention of coronary heart disease in seamen of ships // Sov. Health. – 1989. – № 4. – P. 34–37.
3. Voitenko A.M. The dependence of the incidence of sailors from the ship some factors // In Proceedings VII Intern. Symp. Marine medicine. – M., 1976.
4. Danchenko S.A. The religious orientation of seafarers. Ouch. settlement.– Vladivostok: Mohr. Gos. Univ them. adm. GI Nevelsky, 2007. – 61 p.
5. Dzhannerjan S.T., Panina E.A. Features motivational sphere of cadets sailors as the basis for the preparation of competitive specialist / innovative technology orientation and training of competitive specialists: Proceedings of the

- All-Russian scientific-practical conference with international participation Under the general. Ed. E.N. Baryshnikov. – St.: Publ Polytechnic. univ., 2010. – P. 61–64.
6. Dzhanyan S.T. Professional self-concept: a systematic review. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. Univ., 2004.
 7. Kazakevich E.V. etc. The dynamics of the prevalence of hypertension in seamen of the North Sea Shipping // Maritime honey. Journ. – 1997. – № 1. – P. 43–45.
 8. Kobzev M.V. Viability of future communications professionals of water transport strategies condominiums and protective mechanisms // Sib pedagogical journal. – 2009. – № 5. – P. 291–298.
 9. Sapov I.A. Condition of body functions and health of seamen. – A., 1980.
 10. Sukhanov N.S. Kazakevich E.V. Healing effects of emotional stress in sailors // Vopr. Sci. – 2006. – № 6. – P. 155–159.

Shershnev R.Y.

The development of semantic sphere of schoolchildren through the use of circuit and iconic models of the learning process

The search for optimal learning technologies care of each thinking of the teacher. Our research is being conducted on the basis of The Rostov humanitarian gymnasium №45. In the experiment we use, adapted by us technology V.F. Shatalov. We assume that the technology of circuit and iconic models of the formation of senses and causing the meanings of students, actualizing their semantic growth. Axiological and conceptual orientation of students for successful mastering educational material. To assess the dynamics of the semantic sphere we use tests semantic orientation and methodology of the «Study of the motives of educational activity».

Keywords: meaning, reference abstract, reference signal, motif, rating, presentation.

REFERENCES

1. Abakumova I.V. Training and sense: the formation of senses in the learning process. (Psycho-didactic approach). – Rostov-on-don: Rostov university publishing house, 2003.
2. Shatalov V.F. The experiment continues. – M.: Pedagogy, 1989.
3. Shershnev R.Y. The possibility of integration of circuit and iconic models in the technology of computer education in the higher school // Innovative processes in the higher school // Proceedings of the XIV All-Russian scientific-practical conference. – Krasnodar: Publishing House GOU VPO KubGTU, 2010.

4. Shershnev R.Y., Yushko G.N. Circuit-sign bearing units and their role in the activation of cognitive activity of pupils // Scientific journal «Chelyabinsk humanitarian». – 2010. – N 4 (13).

Butenko V.S.

By definition of the concept of lifelong education in the modern world

In this article, the author addresses the problem of continuing education in the modern world. Presented and analyzed various approaches and the concept of lifelong, continuing education and education throughout their lives. The author notes that a key element of lifelong education is the university as institution of higher education, so the paper pays particular attention to improving the educational process with the participation of adults.

Keywords: continuous education, adult education, educational process, university.

REFERENCES

1. Zinchenko G.P. Continuing education – the imperative of our time. – M., 1988.
2. Kalinkin E.V. Graduate School in continuing education: Research and theoretical benefits. – M., 1990.
3. Sitdikova L.M. In-house continuing education and participation of universities in it // The development of a strategic approach to management in Russian universities. – Kazan, 2001. – P. 317–321.
4. Shlenov Y., Mosicheva I., Shestak B. Continuing education in Russia // Higher education in Russia. – 2005. – № 3. – P. 36–49.
5. Kiselev G.S. According to the image and likeness... // Problems of Philosophy. – 2008. – № 1. – P. 18.
6. Mironov V.V., Ivanov A.V. Ontology and epistemology. Textbook. – M.: Gardariki, 2005. – 327 p.

Tasheva A.I., Kireeva L.E.

Personal features of spouses of two-career oriented marriage

The personal features influencing career growth are considered. It is shown that people for whom career is priority value, have a number of the general features: intellectual mobility, independence, emotional stability, a practicality, nonconformism.

Keywords: personal features, marriage, career, two-career oriented marriage, «not career» marriage.

REFERENCES

1. Ananov B.G. The selected psychological works: in 2 vol. / Under the editorship of A.A. Bodaleva, B.F. Lomova. – M: Pedagogika, 1980. – Vol. 1. – 232 p.

2. Andreeva T.V. Psychology of a modern family: the monography. – SPb.: Speech, 2005. – 436 p.
3. Afanasenko I.V. The JA-concept as determinant of career strategy at representatives technical trades: the abstract of the dissertation of the candidate of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2005. – 23 p.
4. Bogatyreva O.O. The psychological of the precondition of career growth // Questions of psychology. – 2008. – № 3. – P. 92–98.
5. Dzhannerjan S.T. Professional the JA-concept: the system approach: the dissertation of the doctor of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2005. – 442 p.
6. Jornikova E.N. Personal factors of professional career of women in tax system: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – M., 2003. – 173 p.
7. Karabanova O.A. Psychology of family relations and a basis of family consultation: the manual. – M: Gardarika, 2005. – 320 p.
8. Kraig G., Bokum D. Psychology of development. – SPb.: Peter, 2006. – 960 p.
9. Pinjaeva S.E., Andreev N.V. Personal and professional development in a adult // Questions of psychology. – 1998. – № 2. – P. 3–10.
10. Rudakova S.V. Personal determinants of career plans of businessmen: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2003. – 232 p.
11. Rudenko A.M., Sitdikova S.N. Psychology of career for women: the monography. – Shahty: Publishing house JURGUES, 2007. – 105 p.
12. Safonova M.V. Socially-psychological of feature of women, successful in career: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – SPb., 1999. – 233 p.
13. Tashcheva A.I. «ASO» – the test for research of interpersonal perception // Actual problems of psychodiagnostics. – Rostov-on-Don: JURGU, 2001. – P. 252–277.
14. Tashcheva A.I. Attributive processes in matrimonial conflicts: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – M., 1987. – 170 p.
15. Tashcheva A.I. Methodical of the recommendation to a special course «Psychological problems of a family». A part № 1. R. Kettella's technique (16 PF). – Rostov-on-Don: Publishing house RGU, 2003. – 27 p.
16. Tashcheva A.I. Feature of families in which both partners are oriented to career and the psychological help to these families // Psychological bulletin RGU. – 1998. – Release 3. – P. 116–122.
17. Titova E.V. Influence of career success of spouses on relations in a family: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – Stavropol, 2001. – 155 p.
18. Frondzey S.N. Personal determinants of conflicts in informal youth marriage: the abstract of the dissertation of the candidate of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2009. – 19 p.
19. Chirikova A.E. Psychological of feature of the person of the Russian businessman // Psychological magazine. – 1998. – Vol. 19. – № 1. – P. 62–74.
20. Rokeach M. Long-range consequences of experimental induction // Psychological Review. – 1970. – Vol. 77. – № 4. – P. 11–26.

Tasheva A.I., Nagoeva R.A.

Psychological features of a phenomenon accepting parenthood

Psychological features of a phenomenon replacing parenthood are described: the factors influencing parenthood formation, motives of formation accepting, types of families and replacing families, in particular. Article will interest psychologists, social teachers, teachers, and also potential replacing parents.

Keywords: *a family, parenthood, family values, the parental relation, parental feelings, motives of acceptance of the child-orphan in host a family.*

REFERENCES

1. Antonov A.I. Features of evolution of demographic processes, socially-standard regulation of reproductive behavior and planning families // Conferences «Planning of a family and national traditions». – M, 1988. – P. 15.
2. Bodalev A.A. Family in psychological consultation: the monography. – M., 1989. – 208 p.
3. Bobyleva I.A. Social adaptation of graduates boarding establishments. – M.: National fund of protection of children against cruel treatment, 2007. – 176 p.
4. Bolshakova L.N. Socially adaptation of parents and children in a foster home. – Yaroslavl, 2004. – 26 p.
5. Varga A.Ja. Structure and types of the parental relation. – M., 1986. – 206 p.
6. Zaharova ZH.A. Socially support of process of education of the reception child in a replacing family. – Kostroma, 2009. – 18 p.
7. Karabanova O.A. Psychology of family relations and a basis of family consultation. – M.: Gardarika, 2004. – 320 p.
8. Kraig G. Psychology of development. – SPb.: Peter, 2000. – 992 p.
9. Ovcharova R.V. Parenthood as a psychological phenomenon. – M.: the Moscow psihologo-social

- institute, 2006. – 496 p.
10. Oslon V.N. Life device children-orphans: a professional replacing family. – M.: Genezis, 2006. – 366 p.
 11. Pechnikova H.P. Foster homes in space of child-parental relations. – M.: Moscow State University Publishing house, 2008.
 12. Spivakovskiy A.S. Psychological help to the families which have taken on education of children from official bodies. – M.: Education, 1991. – 171 p.
 13. Tascheva A.I. Psychology of family relations. – Rostov-on-Don: UPL, 2000. – 50 p.
 14. Shpakova V.V. Century of Century Socially-psychological characteristics of the reception parents who have taken on education of children, remained without care // Psychology and pedagogic. – M., 2008. – № 6.
 15. Hellinger B. Order of love. The permission of family-system conflicts and contradictions. – M: Psychotherapy institute, 2003. – 400 p.
 16. Yaparova O.G. Features of personal characteristics of children and parents in effective and inefficient reception families // Questions of psychology. 2007. – № 6. P. 37–43.

Buniaeva M.V.

Psychology of Chekhov's art works

In the article A.P. Chekhov's art works are considered from the point of view of the material contained in them and significant for the psychological science, complementing and enriching it. The fact, that creativity of the writer not simply possesses psychologism, of course peculiar to it, but Chekhov frequently used the art texts for expression of the scientific views concerning psychological science that determines the necessity of research in the given subject, is affirmed. Art texts of the writer, significant for psychological review, are analyzed.

Keywords: *psychology and psychologism, psychological analysis in literature, patografical narration, introvert and extrovert types.*

REFERENCES

1. Anisimov I., Kleman M. Zola / Literary Encyclopedia: In 11 vol. T. 4. – M., 1930. – P. 356–374.
2. Gromov M.P. Prolusion / A.P. Chekhov's correspondence: In two volumes. Vol. 1. – M., Art literature, 1984.
3. Online encyclopedia «Krugosvet»: Zola E. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ZOLYA_EMIL.html
4. Skabichevskiy A.M. Imprisonment fifty years ago and nowadays // Russian Thought. – 1898. – № 9.
5. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 vol. / AS USSR. Institute of World Lit. Gorky. – M.: Nauka, 1974–1983.

6. Jung K.G. About the relation of analytic psychology to poetic and art creativity / Translated by V.V. Bibihin. – URL: http://wanderer.org.ua/book/psy/jung/alh_itvorch.html

Sukhov N.I.

Psychological Analysis of Literature in the Works of E. Bobrov Followers

The author considers current interdisciplinary relations of psychology and the studies of literature. The method of psychoanalysis of literature has been frequently applied and showed its productivity. Hence, the analysis of E. Bobrov's and his followers' works on the psychology of literature is found extremely significant. Bobrov's traditions of the psychological analysis of literature developed in Kazan University and in Yiriev University were subsequently followed by Sretenskii in Donskoi (Northern Caucasus) universities. Those traditions were strong enough to have survived despite dramatic historical changes. They are reflected in the regional studies of Chekhov's works.

Keywords: *The synthesis of psychology and literature, the history of psychology, Donskoi (Northern Caucasus, Rostov State) university, E.A. Bobrov, N.N. Sretenskii.*

REFERENCES

1. Bobrov E.A. Seminars, high-level research on the history of literature // Proceedings of the North Caucasian State University. – 1928. – V. 3 (16). – P. 18–69.
2. State Archive of Rostov region. FP-46. I 1. F 197. P 22.
3. Grezneva O.Y. Scientific schools (pedagogical aspect). – M., 2003. – P. 50–69.
4. Guzevich D.Y. Scientific school as a form of activity // Issues in the History of Science and Technology. – 2003. – N 1. – P. 64–93/
5. Zhdanov G.B. Standards, development and research schools // Nature. – 1989. – N 10. – P. 79–84.
6. Zerbino D.D. Scientific school as a phenomenon // Academy of Sciences of Ukraine. – Kiev: Naukova Dumka, 1994. – P. 120–136.
7. Cedars B.M. Scientific School, and her manager // School of Science. – P. 300–310.
8. Sretenski N.N. From the experience of the seminary on the style and poetics // Offprint Izvestia DSU. – Rostov-on-Don, 1925. – V. 6.
9. Ilyin G. Scientific school as a social institution and pedagogical phenomenon // Higher education in Russia. – 1998. – N 4. – C. 49–50.
10. Fundo R.A. Path of transformation phenomena of «scientific school» // IHST Sciences. Annual Conference Conference 2004. – M.: Dipole-T, 2004. – P. 225–229.

Koteneva E.B.

The psychological aspects of study of the valuable-sense relations for the professional activity in the social workers: to the formulation of the problem

In given article have reveal the question about the variety of topics of the conducted researches in the district of the professional activity in the social workers that is in the study of the valuable-sense relations for the work in the employees of the social sphere. In article have be present the interest of the select topic and the psychological aspects of it study.

Keywords: *the social workers, the professional – personal development, the valuable relations, the sense relations.*

REFERENCES

1. Djannerian S.T. The professional I – concept: the system analysis. – Rostov-on-Don: The publ. house of the Rostov university, 2004. – 480 p.
2. Dodonov B.I. Emotion as the valua. – M.: The enlightenment, 1978. – 272 p.
3. Lapteva M.D. The position in the structure of the professional contact: in the context of the over-preparation of the social workers: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – M., 1999. – 216 p.
4. Lewin K. Field Theory in social science. – N.Y.: Harper, 1964. – 279 p.
5. Lotova I.P. The psychological conditions of the success of the professional activity of the workers of the special social service by adaptation of the elderlies: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – M., 1997. – 140 p.
6. Malievcev W.A. The system of the values of the social workers and the psychological foundations it the effective: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – Kemerovo, 2001. – 178 p.
7. Miasischev V.N. The psychology of the relations / To the editorial office A.A. Bodalev. – M.: The publ. house of the Moscow psychological social institute; Voronej: The publ. house of NPO «MODEK», 2003. – 400 p.
8. Ojogova E.G. The interconnection of the sign of «the emotion burning» and the strategies of the overcome of the stress by the social workers: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – Saratov, 2008. – 157 p.
9. Panfilov O.M. The valuable relations: the nature and genезis. – M.: The enlightenment, 1992. – 128 p.
10. Saenko A.G. The social psychological conditions of the productive personal professional stand of the social workers: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – M., 2005. – 222 p.
11. Tiurina N.A. The social psychological conditions of the overcome professional fatigue of the social worker: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – M., 2006.– 219 p.
12. Holodceva E.L. The compete-ability in the system of the level-different characteristics of the person of the social workers: dis. of the cand. of the psychol. sciences. – Barnaul, 2006. – 214 p.
13. Shmeleva N.B. The professional personal development of the social workers: dis. of the doctor of the pedagog. sciences. – Ylianovsk, 1997. – 289 p.

Кирякова Елена Александровна

менеджер по подбору персонала ООО ЧОП «Ермак-2»
Служебный адрес: пр. Сельмаш, д. 29,
г. Ростов-на-Дону, 344029
Тел.: +7 (863) 252-69-95; *e-mail:* alena07@mail.ru

Ташёва Анна Ивановна

доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ. кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-09-94; *email:* annaivta@mail.ru

Киреева Людмила Евгеньевна

аспирантка кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47;
E-mail: vashhlyudmila@yandex.ru

Котенёва Екатерина Борисовна

социальный педагог Центра социальной помощи семье и детям «Дом семьи»
Служебный адрес: ул. З. Космодемьянской, д. 90 «А»,
г. Азов, Ростовская область, 346780
Тел.: +7 (86342) 4-07-02; *email:* kerolain86@mail.ru

Лебедева Полина Александровна

преподаватель кафедры морально-психологического обеспечения Ростовского военного института Ракетных войск (филиал Академии Петра Великого)
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* mila6ka-po@yandex.ru

Нагоева Рузана Алановна

соискатель кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* rnagoeva@yandex.ru

Панина Екатерина Александровна

аспирантка кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-3247; *e-mail:* just_4_me@mail.ru

Kiryakova Elena Alexandrovna

The manager on personnel selection private security Company «Ermak-2»
Office address: b. 29, Selmash Ave, Rostov-on-Don, 344029, Russia
Tel.: +7 (863) 252-69-95; *email:* alena07@mail.ru

Tasheva Anna Ivanovna

Associate professors of Personality Department SFU, candidate of psychological sciences
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-09-94; *e-mail:* annaivta@mail.ru

Kireeva Lyudmila Evgenevna

Second-year the post-graduate student at the Psychology Faculty, Personality Department Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* vashhlyudmila@yandex.ru

Koteneva Ekaterina Borisovna

The social teacher the centre of the social help for the families and children "The house of the family"
Office address: b. 90a, Z. Kosmodemynskay street, Azov, Rostov region, 346780
Tel.: +7 (86342) 4-07-02; *.email:* kerolain86@mail.ru

Lebedeva Polina Aleksandrovna

The teacher of chair of moral and psychological maintenance The Rostov military institute of Rocket armies (branch of Academy of Peter the Great)
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* mila6ka-po@yandex.ru

Nagoeva Ruzana Aslanovna

Second-year the post-graduate student at the Psychology Faculty, Personality Department SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* rnagoeva@yandex.ru

Panina Ekaterina Aleksandrovna

Graduate psychology department of SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* just_4_me@mail.ru

Балакина Анна Андреевна

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* anette9@mail.ru

Шкурко Татьяна Алексеевна

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ. кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* socpsych@psyf.rsu.ru

Беззян Анастасия

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37;
E-mail: nastya_bzezyan@mail.ru

Шершнёв Роман Юрьевич

аспирант кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-09-94; *e-mail:* korolew_a@bk.ru

Бутенко Вера Сергеевна

преподаватель кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-09-94; *e-mail:* Vk15@inbox.ru

Буняева Мария Владимировна

аспирантка кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* rosemary777@list.ru

Сухов Николай Иванович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11;
E-mail: obpsihologia@yandex.ru

Balakina Anna Andreyevna

Postgraduate student of Social psychology department SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* anette9@mail.ru

Shkurko Tatyana Alekseevna

Associate professor, chair of social psychology of the SFU, candidate of psychological sciences
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* socpsych@psyf.rsu.ru

Bzezyan Anastasia Амбарцумовна

Postgraduate student of Social psychology department SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* nastya_bzezyan@mail.ru

Shershnev Roman Yurievich

Post-graduate student 2 years of studies of the faculty of psychology of the SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-09-94; *e-mail:* korolew_a@bk.ru

Butenko Vera Sergeevna

Ph.D. lecturer in chair psychology and pedagogy of higher education Department of psychology SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-09-94; *e-mail:* Vk15@inbox.ru

Buniaeva Maria Vladimirovna

Postgraduate student of general psychology and developmental psychology department of the psychological faculty SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* rosemary777@list.ru

Sukhov Nikolay Ivanovich

Postgraduate student of the psychological faculty of SFU. General psychology and developmental psychology department
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11;
E-mail: obpsihologia@yandex.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (email)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной